#1
ТИМ ВОЛКОВ
АЛЬПИНИСТ
ПОКОРИТЬ СССР

Тим Волков

Альпинист. Покорить СССР. Книга 1

Серия «Альпинист», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432744
SelfPub; 2024

Аннотация

Из пенсионера в старшеклассника… Да разве такое возможно? Возможно! Судьба дарует мне второй шанс и говорит: добро пожаловать в СССР образца 1970 года! Вновь кипучая молодость, вновь песни под гитару у костра, вновь первая любовь, верная дружба и мечты. Так чего же я жду? Вперед, к новым, еще не покоренным вершинам!

Содержание

Глава 1. Падение 5
Глава 2. Больница 17
Глава 3. Дом 37
Глава 4. Школа 52
Глава 5. Дубинин 68
Глава 6. Шанс 80
Глава 7. Электричка 95
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Тим Волков
Альпинист. Покорить СССР. Книга 1

Особая благодарность Юрию Валентиновичу Киличенко за помощь и консультации

Глава 1. Падение

Гадость!

День был прекрасным, солнечным. Пахло нагретым асфальтом, сиренью, городской сухой пылью.

Какая же гадость!

Я ковылял по тротуару, поглядывая на прохожих. Те спешили по своим делам – в университет, на работу, в магазин. Погруженные в суету, сливаясь с потоком шума машин и гула, походили они на пчел. А жужжание рекламных баннеров только усиливало эффект улья.

И только я никуда не спешил.

Долгожданная пенсия, которую я так вожделенно ждал всю жизнь и которую успел идеализировать, оказалась не такой уж и привлекательной.

Гадость! Какая же гадость!

Да, не нужно было вставать ранним утром и можно спать сколько хочешь. Только вот в старости спать уже и не хотелось, мучила бессонница. Мечталось, что в освободившееся время можно будет заняться тем, что действительно нравится. Да только вот лихо играть на гитаре, как прежде, уже не получалось – пальцы крутило артритом. Путешествовать? Ага, как же! На такую-то пенсию? Смех!

– Гадость! – процедил я сквозь зубы, остановившись у пешеходного перехода.

Говорить с самим собой – это тоже бесплатное приложение к пенсии. Все пытаюсь держать себя, но не получается.

Поток людей остановился. Красный глаз светофора лениво принялся отсчитывать время, оставшееся до следующего старта новому марафону.

Я глянул на толпу. Каждый уткнулся в свой телефон, не замечая ничего вокруг.

«Интересно, если я упаду и буду биться в приступе, хоть кто-нибудь обратит на это внимание?»

Но проверять все же не стал – понял, что старика-затейника живо определят в психушку. А родных нет, которые могли бы подтвердить, что я не сумасшедший.

Загорелся зеленый сигнал светофора, толпа бурной рекой понеслась вперед. Я же остался на месте.

Я вдруг понял, что не знаю, куда иду. Вроде вышел из дома, чтобы хлеба купить, зашел в магазин, но не взял – свежего еще не завезли. Поговорил с продавщицей Дашей о всяких пустяках, сказал ей, что забегу позже. Симпатичная она, добрая. Потом пошел. Просто пошел, мимо своей девятиэтажки, вдоль улицы, задумавшись обо всем на свете и ни о чем одновременно.

– Вот она, старость! – грустно усмехнулся я собственной рассеянности.

«Может, пива выпить?»

Но откинул мысль. От пива пучить будет и живот закрутит.

Тогда водочки? Немного, только чтобы кровь разогнать. Но и водки тоже не хотелось.

Тогда, может, пройтись до Кольцевой, посмотреть на фонтан и на голубей? Послушать какого-нибудь патлатого студента, который толком-то и петь не умеет, три аккорда еле перебирает, а уже выступать желает, на улицу вышел. Иногда это его бренчание расслабляет.

Нет, этого тоже не хотелось. Болели ноги. Спину тоже начало ломить. Домой надо, в берлогу свою, к телевизору.

Стало вдруг невыносимо горько от всего этого – от толпы, от телевизора, от вселенской скуки, обыденности и обреченности. Тошно и горько.

Я заморгал, чтобы не дать предательской слезе прорваться наружу, пошел вперед, чтобы не стоять, как дурак, посреди улицы.

Пошел резко, сразу, не обращая внимания ни на что. И только успел услышать, как кто-то сбоку вдруг удивленно выдохнул: «Красный еще! Куда ты, дед?».

А потом – истошный визг тормозов. Тяжелый удар. Одним кадром огромное колесо машины, закрывающее собой весь горизонт, черное, страшное. Крик женщины «старик под колеса прыгнул!». Скрежет. Лязг.

И боль, боль, боль.

А потом пустота…

***

– Что там у нас?

Строгий мужской голос, чуть дребезжащий.

– Да вот, Николай Игоревич, привез вам пациента нового.

Второй голос молодой, звонкий.

– Вижу, что не бочку с квасом ты мне прикатил. И где ты их только находишь? Третьего уже за эту неделю.

– Ну, это вы, Николай Игоревич, пулю отливаете! Не третий. Второй. И не за неделю, а за месяц, – тяжелый вздох. – Ну что я могу поделать? Участок у меня такой, движение интенсивное, едут машины. И поток людской плотный. Много людей. Разных. И молодых, и старых. Думаете, мне охота их из-под колес доставать?

Тяжелый вздох.

– Ладно, не злись, старшина. Тоже не булочки тут печем, работа тяжелая и у нас.

– Понимаю. К тому же это не колесник.

– А кто?

– Каскадер!

– Да ладно?!

– С третьего этажа упал.

– Суицидник, что ли?

– Непохоже. Прохожие говорят, сам полез наверх. И сорвался.

– Пьяный?

Сопение у самого рта.

– Алкоголем не пахнет. Не каскадер это. Каскадеры обычно под «мухой» лезть начинают на всякие столбы и дома, пытаясь показать свою удаль. Этот альпинист. Или дурачок.

– Николай Игоревич, мне пора. Вы уж как-нибудь сами, хорошо? А я потом, чуть позже приду. Разберемся кто он – дурачок или нет. Вот, распишитесь.

– Подожди ты. Осмотреть нужно. Потом распишусь. Так-с, посмотрим…

– Николай Игоревич, у меня пост там без присмотра…

– Не убежит твой пост. Сейчас.

Прикосновения рук, отточенные движения, нажимы. Все болит, искрится от боли.

– Кости целы. А вот ушибы имеются. Так-с… Голове хорошо досталось.

– Живой?

– Дышит, – ответил тот, кого назвали Николаем Игоревичем. – Был бы мертвый, на нижний этаж повез бы, к Марку Эдуардовичу в холодильник, хех!

Второй шутку явно не понял. Дежурно строго спросил:

– Так что, принимаете?

– А могу отказаться?

– Нет!

– Ну вот вы и ответили на собственный вопрос.

– Спасибо, Николай Игоревич! Я тогда позже забегу, когда он в себя придет, чтобы протокол составить.

– Завтра приходи, с такими травмами к следующему утру

только отойдет.

– Хорошо. Только чтобы очнулся! Мне закрывать квартал надо, времени нет ждать.

– Не переживай, прокапаем, будет как новенький.

Раздались удаляющиеся шаги.

«Где я? В больнице? Верно в больнице».

Сквозь колючую боль думать было тяжело. Я попытался позвать врача, но из глотки вырвался лишь хрип. Стало еще больней, будто вместо слов из нутра посыпалось битое стекло.

– Очнулись, голубчик!

Я с трудом открыл глаза, огляделся. Серое помещение, стены выкрашены в зеленую краску, уже в некоторых местах потрескавшуюся. Да, действительно, больница. А вот и сам врач, пожилой уже доктор с кустистыми бровями и выцветшими, словно бы присыпанными пеплом, глазами.

– Меня зовут Николай Игоревич Нестеров, – представился он. – А вы помните свое имя?

– Сергей… Сергей Геннадьевич Ветрин.

– Уже хорошо, Сереженька. Из собственного многолетнего опыта знаю – если пациент помнит свое имя, значит, все с ним будет нормально, на поправку быстро пойдет, – доктор улыбнулся обезоруживающей улыбкой, мягко спросил: – А ты чего, любезный, такие номера выписываешь?

– Я… я случайно, – ответил я, вдруг чувствуя, как щеки заливает стыдливый румянец. – Задумался просто.

– Ну нельзя быть таким рассеянным! – с упреком ответил Нестеров. – В ваши-то молодые годы.

«Что? Молодые годы? – удивленно подумал я. – А врач-то шутник!».

– Ладно, в палату сейчас переведем тебя, полежишь пару дней, отойдешь. Посмотрим еще на наличие переломов и внутренних ушибов. А там, через пару дней, козликом опять бегать будешь по девкам.

Хотел я старчески поворчать по поводу девок в мои-то годы, но не стал. Вместо этого, ощупав себя, прохрипел:

– Где моя сотка?

– Сотка? – нахмурился доктор. – Что же это вы, голубчик, с собой такие деньги таскаете? Сейчас, подождите.

Он принялся читать бумагу, которую принес милиционер.

– Нет сотки. В протоколе осмотра личных вещей ничего про сто рублей нет. Уверены, что у вас были такие деньги с собой?

– Какие деньги? – не понял я. – Мне бы сотовый телефон.

Странный какой-то доктор. Может, глуховат?

– Какой телефон? – еще больше нахмурился Николай Игоревич. – Ничего не понимаю. Сотовый – это фамилия чья-то? Вашего друга? Родственника?

Я не нашелся что ответить.

– Ну-ка, подождите, – насторожился доктор.

И принялся внимательней осматривать меня, заглянул в глаза, поводил пальцем, приказав следить за ним только

взглядом.

– Кажется, ушиблись вы чуть сильней, чем я думал. Ну ничего, и не таких на ноги ставили. Давайте в палату.

Доктор махнул кому-то рукой. В комнате показалась санитарка, крепкая женщина, мясистая, с красными руками и таким же красным лицом.

– Тома, парнишку в пятую.

– Хорошо.

Женщина подошла ко мне, уверенными движениями толкнула каталку.

– Мне бы домой, – скромно произнес я, несильно желая лежать в казенном доме. – Там отлежусь.

– Доктор сказал в палату, значит, в палату. Рано тебе домой. Вон, весь в синяках и гематомах. На выколоченный палас похож.

Я смотрел по сторонам, пытаясь понять, в какую именно больницу меня отвезли. Все здесь было знакомым, но в то же время каким-то другим, словно бы чужим. Странное ощущение только усиливалось с каждой секундой. Я озирался, вглядывался в мелочи, пытаясь понять, что меня так смутило.

Понял не сразу – плакаты в коридоре. Несколько висело у входа в отделение. Рисованные, словно из советских мультиков. На одном доктор, строгий, седовласый и медсестра рядом. Внизу надпись: «Служить людям – высокое призвание!». Второй плакат еще более странный. На нем изображе-

на девушка в косынке, и надпись: «Колхозницы! Поступайте на курсы колхозных медицинских сестер!». Это какой-то доктор старые плакатные заначки в шкафу нашел, что ли? Давно уже таких нигде не видел. Очень давно.

Окна. Они тоже привлекли внимание. Не пластиковые. Рамы деревянные, массивные. Между стеклами видны следы прошлогодней замазки. Под окнами торчат бетонные подоконники, какими слона можно убить.

Стены по верху и потолок выбелены, нижняя часть стен выкрашена зеленой краской. Плинтуса… деревянные!

– Что тут… где я? – только и смог вымолвить.

Мне показалось, что я попал в какой-то фильм про советский союз. Какая это больница? Пятая? Или первая городская?

– Известно где – в больнице, – буркнула медсестра Тома. И остановила каталку у дверей. – Приехали. Ваша палата. Сам сможешь встать?

Я неопределенно кивнул.

Осторожно спустив ноги, обратил внимание на одежду. И удивился. На мне сейчас были светло-коричневые драповые брюки. Когда выходил на улицу точно помнил, что надевал джинсы. И рубашка не моя. Серая, в клетку. А была футболка с какой-то иностранной надписью.

Но еще больше удивило меня то, какими стали мои ноги. Худые и словно чуть короче. Руки тоже изменились. Молодые, загорелые, без старческих веснушек на дряблой коже.

А ногти все такие же, искусанные, с заусенцами, хех!

«Вот так ударился головой! Мозги заклинило! Мерещится!»

– Тамара, мне бы таблетку! – прошептал я дрожащим голосом.

Мне стало не по себе.

– Голова болит?

– Болит, – кивнул я. – Ничего понять не могу. Не узнаю ничего! В глазах… двоится.

– Это бывает, – буднично ответила медсестра. – Часто таких вижу. Ничего, пройдет. Давай в палату. Белье тебе уже приготовили, койку любую занимай, какая нравится. Но у окна советую не выбирать – там сквозит.

Я осторожно встал. Отметил, что спина, до этого часто тянущая и стреляющая, теперь не болела. Да и все тело, несмотря на травмы после аварии, было как новое. Необычное чувство приятно поразило. Нет ощущения лишнего веса, старости. Видимо, докторские уколы подействовали. Морфин, что ли, какой-то вколол?

– Встречайте новенького! – крикнула Тома и укатила вместе с коляской прочь.

Осторожно ковыляя, я зашел внутрь, поздоровался. На трех кроватях лежали пациенты – двое пожилых уже мужчин и один молодой парнишка. У стариков были перебинтованы ноги, а у молодого – обе руки.

– Привет! – отозвался один из стариков, глянув на меня

из-под толстых линз очков. – Как звать?

– Сергей Геннадьевич, – ответил я.

Тон, с каким старик задал этот вопрос, не понравился мне. Как к пацану обратился. Хотя, возраст одинаковый. Ему можно. Что это я нервозный какой-то? Надо успокоиться.

– Ишь ты! – усмехнулся тот. – Серега, значит? А я Михаил Андреевич. Это, – он указал на второго пожилого мужчину, плотного, черноволосого, – Кайрат Айдынович. А тот, твой ровесник – Пашка.

– Ровесник? – не понял я, глядя на парня.

– Ну да, – кивнул Михаил Андреевич. – Тебе, поди, тоже шестнадцать?

– Мне шестьдесят пять! – выдохнул я.

Два старика переглянулись.

– Этот с травмой головы, – подал голос Пашка. – Повредился. Не обращайте внимания. Видите, голова перебинтована? Клинит.

– И то верно! Ну Пашка, ну Шерлок Холмс! – сухо рассмеялся Михаил Андреевич. – Вырастешь – следователем будешь!

– Я уже взрослый! – обиженно ответил Пашка. – Вот кости срастутся на руках, заявление в Омскую школу милиции отнесу.

– Ну, это правильно, – кивнул Михаил Андреевич. – Только доучись сначала.

– На нас бросаться не будешь? – спросил Кайрат Айдыно-

вич с сильным южным акцентом, поглядывая на меня с подозрением.

– А зачем мне на вас бросаться? – не понял я.

– Мало ли… – пожал тот плечами.

Он мне сразу не понравился. Хитрые какие-то глаза, и сам какой-то подозрительный. И вообще, мне тут не нравилось. Все присутствовавшие словно пытались разыграть меня, но розыгрыш получался несмешной.

– Ладно, не стой в дверях, располагайся! – сказал Михаил Андреевич.

Я прошел к кровати, мельком бросил взгляд на зеркало, висящее на стене возле входа.

Глянул… и замер, словно пораженный молнией.

Зеркало было старым, серебряная отражающая поверхность по углам исшаркалась, медная рамка окислилась и позеленела. Но не это так сильно удивило меня.

А отражение.

Из зеркала на меня смотрел не я сам – седой, побитый жизнью старик. А молодой паренек, лет шестнадцати, абсолютно не знакомый мне…

Пол под ногами вдруг резко подскочил и шлепнул меня по лицу.

Глава 2. Больница

Десятилетия жизни, возраст, пенсия, шаткое здоровье – такие вводные предполагали опыт обмороков. И он у меня имелся. Бывало, прихватывало, я падал в бессознанку.

Но на этот раз все произошло иначе.

Обычно чувствуешь, как начинает пульсировать в висках, натужно, тяжело. Потом горизонт плывет, словно воск свечи. А потом – хлоп! – и уже глаза в недоумении открываешь, не понимая, как оказался на полу или кровати, и кто эти люди, которые с ужасом смотрят на тебя.

А тут…

Меня не швырнуло в черноту небытия. Напротив, перед глазами поплыли обрывочные картины, яркие, насыщенные, словно кто-то выкрутил все настройки на максимум. Фантастические, небывалые.

Я увидел землю с высоты птичьего полета. Незнакомый поселок, лес за ним, ручей. Потом ущелье. И гору, огромную, величественную, вечную. Она высилась над миром, храня мудрое молчание. Жизнь текла вокруг нее, люди рождались, росли, ссорились и мирились, влюблялись и расставались, обретали и теряли, умирали, а она все стояла, безмолвно, словно старик, погрузившийся в сон, и наша суета ей была неинтересна.

Я увидел, что на самом пике горы горел холодный свет.

Он манил меня, словно я был мотыльком. И едва я подлетел к нему, как вдруг понял – это пришло как озарение, – что этот свет мое спасение. Он мог вернуть меня обратно, в мой мир, потому что этот какой-то не такой, чужой. Не мой.

Я открыл глаза. Огляделся.

– Ты как? В порядке, солдатик? – спросила медсестра Тома, капая на ложку какие-то лекарства и протягивая мне.

– Норм… – только и успел буркнуть я, как ложка тут же отправилась мне в рот.

Пришлось глотать горькое лекарство.

– Придется тебе тут задержаться, – сказала Тома, выхода из палаты. – Вечером обход главврача, скажешь, что шмякнулся в обморок. А вы, – она строго глянула на Михаила Андреевича, – следите за ним. Видите, не отошел еще парень.

И ушла.

– Что ж ты не предупредил, молодой, что в обморок будешь падать? Мы б тебя хоть к кровати привалили, чтобы не так больно падать было, – произнес Михаил Андреевич.

Молодой…

Я вспомнил увиденное в зеркале, и сердце мое забилось сильней. Показалось? Или сошел с ума?

Нужно понять.

– Просто… не отошел еще с докторских пилюль, – соврал я.

– Это да, – кивнул Пашка. – Мне когда штифт ставили, такой укол сделали, что я потом толком не понимал, где на-

хожусь!

– Ребята, – хрипло произнес я, садясь на кровать и потирая ушибленный локоть. – А ни у кого зеркала нет?

– Тебе зачнем? Бриться собрался? – усмехнулся Кайрат Айдынович. – Вон, на стене висит.

– Хорош издеваться, – буркнул Михаил Андреевич. – Не видишь, что ли, что парень на ногах не стоит? Хочешь, чтобы он еще раз упал?

Старик осторожно перевернулся на бок, достал из тумбочки маленькое зеркальце.

– На вот, только не вырони. Это из бритвенного набора! Бабка подарила. Узнает, что разбили – с обоих шкуру живьем снимет. Так, держи крепче.

Трясущимися руками я взял зеркальце. Не сразу осмелился посмотреть в него. Но все же глянул.

Думал, закричу. Не закричал. Напротив, спокойно воспринял чужой свой облик. Молодой парнишка, черноволосый, худой, серые, чуть с голубизной глаза. Симпатичный. Молодой.

Я подмигнул ему. И он тут же подмигнул в ответ. Я улыбнулся. И он обнажил ряд ровных белых зубов.

Вот ведь черт! Действительно, в зеркале я. Но только не я. Что же произошло?

Я отложил зеркало. Задумчиво посмотрел вокруг. Советские плакаты, деревянные окна с замазкой, странное поведение доктора, не знающего слова «сотовый телефон»…

Меня словно ударило молнией. Я попал в прошлое! – обожгла догадка. Назад в СССР! В тело…

Невольная улыбка озарила мое лицо. Наверное, со стороны это выглядело глупо.

А ситуация была следующей. Я попал в тело молодого парнишки. Никаких тебе болячек, ноющей на погоду спины, прострелов в суставы и тягостного ожидания скорой смерти.

Я молод! Снова молод!

Меня объяло странное чувство – вроде и весело, и страшно, и тревожно одновременно. Словно сдал уже экзамен, и вроде бы хорошо, но оценку не сказали, и еще точно не знаешь, чего ждать.

– Ну что, налюбовался собой? – прокряхтел старик. – Вертай зеркало назад. Вон руки трясутся у тебя, выронишь вещь!

Я вернул зеркало. Задумался.

Как же так получилось? Что за мистика? Последнее, что помню – машина, которая наехала на меня. До сих пор «мурашки» по коже от одного только воспоминания. Я умер. А потом… Эта больница.

Постой. А кто тот парнишка, в тело которого я попал? Он, получается, тоже умер?

Я осторожно ощупал перебинтованную голову, осмотрел руки. Они были все в синяках и ссадинах. Тот милиционер говорил, что парень упал с третьего этажа. Значит, тоже того… Умер. А моя душа вселилась в его тело.

Во дела!

Сердце мое билось тревожно и быстро. В голове творилась чехарда. Неужели такое возможно? Неужели возможно попадание в прошлое? Да еще таким необычным способом. Впрочем, есть в этом деле вообще обычный способ?

Я вновь огляделся. Больничная тумбочка, граненый стакан, самодельный кипятильник из двух лезвий, стыдливо прикрытый газеткой от посторонних глаз, квадратная пачка чая «Грузинский». Если это не прошлое, то что?

Взгляд упал на газету старика.

– Можно почитать? – попросил я.

– Андреич, да тебе надо уже плату брать за услуги, – Кайрат Айдынович хищно ухмыльнулся. – То зеркало новичку, то газету. Может, чаю еще молодому заваришь?

– Ну чего ты? – буркнул старик, с упреком глядя на соседа по койке. – Видишь, малый не в себе? Надо понимать.

И протянул мне газету.

– Держи, милок, почитай. Слово лечит. Только не мни.

Я взял газету. Начал читать. И с каждой строчкой глаза мои становились все больше и больше.

«Неделя», № 77 (11945), четверг, 2 апреля 1970

Я уставился на год. 1970! Это ж получается… Мне в то время двенадцать было. Прыжок на пятьдесят четыре года назад.

Судорожно сглотнув, я продолжил чтение.

Отъезд советской партийно-правительственной делегации в Будапешт

Из Москвы в Будапешт 1 апреля на празднование 25-летия освобождения Венгрии по приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Президиума Венгерской Народной Республики и Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства выехала советская партийно-правительственная делегация. Ее возглавляет Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л.И. Брежнев.

Сухой язык вызвал зевоту. Дочитав до конца абзаца, я уже забыл, о чем было в начале. Принялся читать только заголовки, не вникая в текст самих статей.

За единство действий и пролетарский интернационализм

В поселке Красное, на Волге, живет легенда

11 апреля – все на коммунистический субботник!

Закрыв газету на последней странице, понял – все происходит на самом деле, и я действительно попал в 1970 год. Сейчас таких заголовков нигде не увидишь.

Я вернул газету Михаилу Андреевичу и некоторое время смотрел в потолок, не представляя, что делать дальше. От былой весёлости не осталось и следа. Я вдруг начал припоминать, что произошло потом – Афган, Чернобыль, распад СССР, дикие 90-е, – и понял, что переживать все это вновь мне не хотелось. Захотелось домой, в свою хоть и маленькую, но вполне себе уютную квартирку.

От надвигающейся хандры спасла Тома. Грузно ввалившись в палату, она прокуренным голосом сообщила:

– Ужин!

Обитатели палаты сразу же засуетились.

Мы вышли в коридор и застучали костылями в сторону комнаты приема пищи. Странно было, что еду не разнесли по палатам.

– Доктор говорит, что так лучше для пациентов, – сказал Михаил Андреевич на мой вопрос. – Гимнастика полезна для выздоровления. Тем более для нас.

Старик хохотнул, кивнул на свою ногу в гипсе.

«Доктор садист просто», – хмуро подумал я.

На ужин подавали слипшиеся макароны с подливом, в котором, как я ни старался, но мяса так и не нашел. С макаронами давали серый хлеб и чай. Хлеб был вкусный, а вот чай отдавал половой тряпкой. Но в еде я был непривередлив, поэтому все съел. К тому же сказывался голод и молодой организм – есть хотелось неимоверно.

После ужина все разбрелись кто куда. Молодой Пашка по-

шел с другими мужиками в туалет курить. Михаил Андреевич сел в коридоре на лавочку и начал партию в шахматы с другим стариком.

Я же принялся бесцельно бродить по коридору, вглядываясь в лица, окна, обстановку. Все было знакомым, но словно давно забытым. И вид из окон другой. И обстановка не такая. И лица иные.

Особенно лица. Не сразу я понял, в чем дело. И только когда обратил внимание на глаза очередного проходящего мимо человека, вдруг осознал. Ни у кого в руках не было сотового телефона. Никто не пялился в него, оградившись от большого мира в своем маленьком, электронном мирке из соцсетей и мессенджеров. Они все смотрят по сторонам. Это непривычное, давно забытое чувство и вызвало во мне приятную волну ностальгии.

– Эй, новенький! – мужеподобный прокуренный голос Томы прокатился по коридору.

Я обернулся.

– Поел?

Я кивнул.

– А ну, вприпрыжку сюда!

С юмором женщина. Я поковылял к ней. Спросил по пути:

– Что случилось?

– Что случилось, – передразнивая меня, произнесла та. – Врун ты, каких еще поискать надо!

– Чего это? – настороженно спросил я.

– Ты, как сказал, тебя зовут?

– Сергей.

– Не Сергей ты, – подбоченившись, ответила та, таким тоном, будто отчитывала нашкодившего котенка. – А Андрей!

– Почему?

– Потому что мать твоя пришла к тебе. И все про тебя рассказала.

Я даже остановился. Такого поворота событий я не ожидал.

– Что? Мать? – одними губами прошептал я.

И понял, что когда попал в больницу, назвал свое настоящее имя и фамилию. Кто же знал? А теперь вот родня парнишки пришла, в чье тело я попал.

– Я в туалет… я пойду… – начал мямлить я, судорожно пытаясь придумать оправдание не встречаться с женщиной.

– А ну, стоять! Вернись!

Отпираться было бессмысленно. Да и вызвало бы дополнительные подозрения.

Сделав глубокий вдох, я вновь побрел по коридору.

– Давай, вон туда, – махнула рукой Тома.

И показала в сторону окна. Там стояли двое – доктор Нестеров и незнакомая женщина. Обернувшись и увидев меня, она вдруг произнесла:

– Андрюшенька!

И рванула ко мне. Обняла, принялась гладить по спине, целовать в плечи, всхлипывая. Я же только и мог, что сто-

ять как вкопанный, не зная, что делать и как успокоить женщину. От нее пахло «Красной Москвой», приторной фиалковой сладостью, выцветший шерстяной платок, накинутый на плечи, неприятно колол мне шею.

«Не самая дешевая парфюмерия», – отметил я про себя, отворачиваясь в сторону, чтобы не дышать духами.

– Андрюшенька, миленький! – продолжала всхлипывать женщина, вцепившись в меня.

– Анна Матвеевна, успокойтесь, – подошел к нам Нестеров. – Отпустите его. Вы же ему все кости переломаете!

Женщина нехотя разомкнула объятья.

– Сыночек, что произошло? – спросила она, утирая слезы платком.

– Я… я не помню… – ответил я. – Упал.

Женщина вновь начала плакать.

– Упал! – всхлипывая, произнесла она дребезжащим голосом. – Это все его кружок этот дурацкий. – Спортивное общество это их, секция альпинизма. Там главный у них Дубинин. Детям учиться надо, а он им про горы все мозги запудрил. На каменоломню агитирует. Не пущу!

Это уже было сказано мне. Вытерев глаза, строго произнесла:

– Говорила я тебе, что до добра это все не доведет! Вот и случилось!

– Успокойтесь! – строго приказал доктор. – Ничего страшного не произошло. Ну есть ушибы, гематомы. Головой то-

же ударился, но несильно, сами же видите. Проверяем сейчас вашего сыночка. Наблюдаются некоторые провалы в памяти. Да вы и сами поняли, – доктор улыбнулся. – Но все излечимо. Организм молодой, все поправимо. Давайте, прекращайте это ваше мокрое дело, не люблю этого.

– Сыночек, ты помнишь, кто я?

– Мать? – кисло ответил я.

– Ну вот видите! – улыбнулся доктор. – Память уже возвращается.

– Если нужны какие-то лекарства, то вы сразу же… – начала мать, но Николай Игоревич тут же остановил ее жестом.

– Ну вы что?!

– Да, я поняла, – зашептала мать. – Но вы говорите… если что…

– Анна Матвеевна, сейчас пока не стоит с допросами. Про имя уже знаем, что перепутал. Такое бывает. Это говорит о вероятном сотрясении мозга. Так что парню нужен покой. Пусть у нас еще немного побудет.

– Хорошо, я поняла, – закивала головой женщина.

И обратилась ко мне:

– Я тебе яблочек принесла. На вот, поешь. Это с дачи Екатерины Авдотьевны, ты помнишь ее?

Я неопределенно пожал плечами, взял бумажный пакет с яблоками.

– Пару дней еще подержим, а потом уже и на выписку, если все нормально будет, – сказал доктор.

– Мне как позвонили, думала все, убили. А потом как сказали, что в больнице Андрюша, отпустило немного. Я корвалолу напилась и сразу сюда.

Она глянула на меня. Я отметил некоторое сходство ее лица с тем, что я видел в зеркале.

– Ты выздоравливай. Школу пропускаешь. А там сейчас подготовка к экзаменам идет. Нельзя пропускать.

– Что? Школа?

Мать удивленно посмотрела на доктора.

– Да, я помню, – тут же поправился я. – В школу. Экзамены. Я буду готовиться.

Мать еще раз обняла меня, сказала:

– Я завтра еще зайду. Принесу твои тетрадки и учебники.

– Хорошо. Спасибо, – кисло ответил я.

– Тогда я пойду?

Нестеров кивнул:

– Идите. Андрею уже пора на процедуры.

Я проводил ее взглядом, посмотрел на доктора.

– Ну, чего моргаешь? – добро улыбнулся тот. – Давай в отделение, альпинист!

Все оставшееся время до вечера я так и бродил, глядя по сторонам, стараясь привыкнуть к обстановке, хрустя яблоками из сада Екатерины Авдотьевны. Вечером всех отправили на процедуры – по уколу обезболивающего в полупопие, и отбой.

За весь день переживаний я порядком устал и едва лег на

скрипучую сетчатую кровать и укрылся колючим одеялом, как тут же заснул.

Что-то снилось, но что именно – вспомнить я не мог. Что-то тревожное, серое, неумолимо надвигающееся. Оно катило на меня, закрывая собой горизонт, все ближе, и ближе, и ближе, не давая дышать.

Я вздрогнул и проснулся. Некоторое время прислушивался к истошному биению сердца, пытаясь понять, где и что случилось.

Было темно, еще не рассвело. Не видя еще ничего, я осторожно спустил ноги со скрипучей кровати.

– Не спится? – прошипел противный голос, и я едва не закричал.

Это был Кайрат Айдынович. Во тьме его глаза поблескивали, отражая лунный свет, а сам он походил на какого-то монстра или вампира.

– Ага, не спится, – с трудом выдавил я, облизнув пересохшие губы. – Водички хотел попить.

– Водички? – с какой-то странной насмешливой интонацией спросил он.

И зыркнул на меня так, что мне стало не по себе.

– Ну да, – промямлил я, не понимая, что происходит.

Кошмарный сон еще не отпускал, сбивая с толку – я не мог до конца понять где нахожусь: в реальности или уже в загробном мире.

Некоторое время молчали. Возникла неловкость, мне ка-

залось, что собеседник мой еще недоговорил что-то, но поделиться с этим он явно не спешил и глазел на меня своим волчьим, давящим взглядом.

– Послушай, парень, а ты ничего не хочешь мне рассказать? – вдруг переменился в лице Кайрат Айдынович.

Он подался вперед, так, что почти в упор теперь глядел на меня.

– Что рассказать? – насторожился я.

– Кто ты такой на самом деле?

Холодок побежал у меня по спине. Но мне хватило ума сделать вид, что я ничего не понимаю.

– О чем вы?

– Паренек, не надо врать мне, я этого не люблю. Я вранье нюхом чую. Скажи мне лучше правду, кто ты такой?

«А не пошел бы ты куда подальше?!» – хотел воскликнуть я, но незнакомец вдруг потянулся к прикроватной тумбочке и достал оттуда что-то небольшое, прямоугольное. Показал мне.

Я пригляделся в полутьме, увидел красные корочки и сразу же сообразил – пациент-то не простой. Очень непростой. Кто он? Кгбшник? Партийная шишка? Кто-то еще? В любом случае тот, кто может обеспечить мне очень много неприятностей. А значит, куда подальше его лучше не посылать.

– Откройте, – сказал я, кивая на корочки, но Кайрат Айдынович уже спрятал их обратно в шкафчик.

– Ты со мной, паренек, так не разговаривай, – гортанно

прорычал собеседник. – Лучше отвечай, о чем спрашиваю. Иначе говорить с тобой будут совсем другие люди.

И я понял, что если сейчас разговор не состоится здесь, то вполне вероятно, что будет продолжен где-то в застенках Комитета государственной безопасности СССР по доносу Кайрата Айдыновича. Этот может, на лице написано, что сдаст и не моргнет глазом.

– Ты американский шпион? – спросил он, прищурившись.

– Никакой я не шпион! – обидевшись, ответил я. – Советский гражданин я! С чего вы вообще такое взяли?

– Ты говоришь во сне, – по лисьи улыбнувшись, ответил Кайрат Айдынович. – Многие шпионы так проваливаются. Говорят во сне или на своем языке, или о вещах, которые милы их сердцу, но нам, гражданам советского союза, чужды и аморальны.

И мне вновь стало не по себе.

– И что я говорю? – осторожно спросил я. А потом улыбнулся: – На чужом языке?

Никаких языков я, конечно же, не знал – негуманитарного склада ума. Так что тут претензии мимо.

– Разные странные слова. Например, просил позвонить тебе на сотку. Это как? Ты аферист какой-то, что ли? Что за сотка? И почему позвонить по поводу ее надо? Кассу ограбил и теперь подельника своего просишь на связь выйти по поводу украденных денег?

– Что… – только и смог удивленно выдохнуть я.

Вот это он раскручивает!..

– А еще просил найти тебя по… – Кайрат Айдынович наморщил лоб, вспоминая трудное слово. – Найти тебя по точке джи-пи-эс. Вроде бы как ты потерялся.

Я нервно хохотнул.

– Чего ржешь? – ледяным тоном прорычал Кайрат Айдынович, и смех застрял у меня комом в горле.

Мне приходилось бывать на допросах и видеть работу оперативников. Но она не шла ни в какое сравнение с тем, как говорил сейчас Кайрат Айдынович. Я буквально чувствовал, как его взгляд сминает меня, от него не было укрытия, и он читал меня насквозь. Врать в таком случае не хотелось.

– Да я просто… – начал я.

И вдруг понял, что не знаю, что сказать ему. Объяснять принцип GPS-локации, которую еще не изобрели? А может, и изобрели, но наверняка это еще какой-то сугубо военный проект, который простому гражданину Советского союза неведом и знать о нем не положено.

– Что – просто? – с нажимом спросил собеседник.

– Это я просто книжку недавно читал. Оттуда и вычитал. Фантастика.

Кайрат Айдынович прищурился.

– Книжки любишь читать?

– Люблю, – стараясь придать голосу как можно спокойный тон, ответил я.

– А что за автор? Интересно просто, сам хочу такую книжку почитать.

И вновь мой мозг лихорадочно заработал. Врать надо уметь. А я в этом особо не преуспел. Да и пробуждение среди ночи не способствует нормальной работе головы. Хотя, Кайрат Айдынович, видимо, этого и добивался. Сразу видно – непростой человек, знает приемы допроса.

– Ну так что за автор? – не унимался собеседник.

Кого же назвать? Стругацких? Они уже издаются? Или в опале? Ефремов? Нет, лучше кого-то из заграничных, так больше шансов, что мою версию будет сложней подтвердить этому любителю полуночных допросов. Но тут тоже надо нужных назвать, чтобы на запрещенных не нарваться.

– Айзек Азимов, – выдохнул я, потому что молчание затянулось слишком долго, и нужно было говорить хоть что-то.

– Азимов? – словно пробуя на вкус слово, произнес Кайрат Айдынович.

По выражению глаз я тут же определил, что такого автора он не читал.

– Кажется, что-то слышал о таком. Заграничный? Запрещенный автор? Про что пишет? Про капиталистов, небось? Агитации?

– Нет, про победу социализма в межзвездном космическом пространстве, – выпалил я.

Кайрат Айдынович пристально посмотрел на меня, пытаясь понять, вру я или нет.

А меня уже было не остановить. От нервов меня понесло.

– Хороший писатель, между прочим. Книга называется «Вперед к звездам». Там о том, как секретарь Красноармейского райкома партии Надежда Степанова и работницы ткацкой фабрики по заданию партии строят космическую ракету, чтобы отправить первую промышленную партию ткани в космос, на другую планету, где наши космонавты строят светлое будущее. Эта ткань не пропускает радиацию и очень хорошо укрывает от космических ветров. А еще…

– Понятно, – прервал меня Кайрат Айдынович, отстранившись. – Ты, паренек, не думай, что я дурак. Я слежу за тобой.

Я лишь покачал головой. Кажется, разговор на этом был закончен.

– Ну, чего сидишь? – спросил Кайрат Айдынович уже совсем другим тоном, будничным, спокойным.

– В смысле? – не понял я.

– Ну ты же пить хотел. Вода в кране, кран в туалете, туалет в конце коридора.

– Спасибо, – кисло ответил я и вышел из палаты.

Разговор со странным собеседником прогнал весь сон. Я доковылял по темному коридору до туалета. Там было накурено – кто-то недавно тут уже был. Я открыл кран, пропустил ржавую воду. Так и не попив, вновь вернулся к себе в палату.

Кайрат Айдынович лежал на кровати, отвернувшись к

стенке, и спал, как ни в чем не бывало. Я тоже лег на свою кровать, но уснуть так и не смог. Всю оставшуюся ночь я слушал, как ворочается во сне старик Михаил Андреевич и тихо стонет от боли.

Утро наступило неожиданно. Я все же под самый рассвет задремал, потому что проснулся от того, что в коридоре кто-то зазвенел больничной «уткой», уронив ее на пол.

Скрипнула дверь палаты.

– Эй, молодой! – крикнула Тома, просовывая голову в двери. – Молодой!

И глянула на меня.

– Вы мне? – спросил я, растерявшись.

– Ну а кому еще?! Чего разлегся?

– А что делать надо?

– Быстро в коридор. По твою душу пришли.

– Кто? – не понял я. – Мать?

– Нет, не мать.

Тома вдруг нахмурилась и стало понятно, что ничего хорошего не жди. Я мельком глянул на Кайрата Айдыновича и поймал его довольный, звериный взгляд, словно говоривший – вот ты и допрыгался, голубчик!

– А кто тогда? – спросил я Томы.

– Да мне-то откуда знать? – раздраженно ответила та. – Человек в форме. Знать, натворил что-то?

Я пожал плечами.

«Успел стукануть?» – украдкой глянув на Кайрата Айды-

новича, подумал я.

– Чего разлегся? Иди! – приказала Тома, занося в палату половое ведро и швабру.

Я медленно побрел на выход, ожидая самого худшего.

Услышал, как в спину Кайрат Айдынович тихо, со злорадством, произнес:

– Доползался, альпинист!

Глава 3. Дом

Люди в форме – фраза, от которой сразу становится не по себе. Почему? Я и сам не знал. Ведь я никого не убивал, никого не грабил. Хотя, тут можно поспорить. Душа моя вселилась в паренька, который все же умер. Но я-то ни при чем!

Люди в форме… От чего же становится не по себе после этих слов? Может быть, потому что просто так они не приходят? Значит, случилось что. Что-то нехорошее…

Я шел по коридору на ватных ногах. Чего ожидать? А может, рвануть наутек? Нет. Глупо вроде как-то получится. Лишние подозрения будут.

Одно я знал точно – говорить про переселение душ и то, что я из будущего, точно нельзя. Никому. Даже самым близким. Даже матери. Упекут в психушку. Если что, буду держаться версии о том, что сильно ударился головой и частично потерял память. А там дальше видно будет. В крайнем случае пойду в полную несознанку.

Я подошел к милиционеру, который стоял у окна.

– Здравствуйте! – как можно спокойным голосом произнес я.

– Добрый день, – устало ответил тот. Представился: – Участковый инспектор Елякин.

От него пахло жжеными спичками, а сам он походил на сушеного карася. Худой, с впалыми серыми от щетины ще-

ками, он выглядел не лучшим образом – видимо, был после ночной смены.

– Я к вам протокол составить пришел, – пояснил инспектор. – Заявление будете писать?

– Какое?

– О падении с третьего этажа.

– Что?!

– Ну вы же с третьего этажа упали. Или, может быть, вас скинули?

Участковый пристально посмотрел на меня.

– Надо разобраться. А то вдруг это какое-то хулиганство. А это уже сами понимаете, статья наказуемая.

– Я… не помню… – промямлил я. – Головой ударился.

– Не вспомнили? Эх, досада! Николай Игоревич обещал, что к следующему дню будете все помнить, – проворчал участковый. – Ладно, придется позже зайти.

– Нет, постойте, – остановил я его. – Кажется, все же что-то помню.

Я и в самом деле начинал что-то вспоминать, обрывочные картинки помимо моей воли всплывали в голове. Видимо, адреналин и всплеск эмоций заставили протрясти память, выуживая оттуда произошедшее.

Вот мы стоим на улице вдвоем с… Артемом. Так, кажется, зовут этого курносого белобрысого паренька. Разговариваем. О всяких пустяках. Мы друзья. Учимся в одной школе. В одном классе. Ходим в одну секцию.

Потом мимо проходит… девушка. Красивая! Я ее знаю… Марина… Очень красивая. Она останавливается. Что-то спрашивает у нас. Мы отвечаем. Про секцию альпинизма. Она смеется. Мне неприятно. Обидный смех. Задевает за живое. Охота показать девушке чего я стою, чтобы понравиться ей.

В порыве эмоций я запрыгиваю на подоконник первого этажа. Потом лезу вверх. Легко, привычно. Марина говорит, чтобы слезал. Артем, напротив, подначивает. Я пытаюсь что-то доказать девушке. Странно, зачем? Кажется, понимаю – по уши влюблен в Марину. Вот и красуюсь.

Вот как могу! Прохожие оглядываются. Кто-то усмехается – во дает парень! Большинство же ворчит и упрекает. Я не слушаю.

Лезу все выше, выше, выше. Второй этаж. Третий. Закидываю руку на бетонную плиту балкона.

И вдруг чувствую там что-то скользкое, вонючее. Капуста! Хозяева оставили ее на балконе еще в прошлом году, да забыли. Она провела на улице зиму, сгнила и вся потекла. Вот в эту лужу я и вляпался. Да неудачно. Сразу, не проверив, перенес весь вес на эту руку. А она соскользнула. Я выкинул вторую руку, пытаясь зацепиться. Не успел. Полетел вниз. И.... темнота. Больница.

Теперь все стало понятно. Вот так глупо и умер паренек, в которого я попал. Из-за гнилой капусты.

– Понимаю, что не самые приятные воспоминания, – про-

изнес участковый, возвращая меня в реальность. – Но надо рассказать, что случилось. Я запишу, а вы распишитесь. Мне закрывать квартал еще нужно.

– Да, конечно, – кивнул я.

И коротко рассказал ему о произошедшем.

– Так, значит, вас никто не толкал? Вы сами полезли туда?

– Сам, – опустив голову, ответил я. И спросил: – А «скорую», значит, Артем вызвал?

– Нет, – покачал головой участковый.

– Как это? – удивился я.

Лучший друг не вызвал «скорую»? Может быть, Марина вызвала, а Артем со мной сидел?

– Звонок поступил от некой Лидии Леонидовны, пенсионерки. А с вами никого не было.

– Ничего не понимаю… – одними губами прошептал я. – Как это – никого? Я один был?

– Именно, – кивнул инспектор. – Лежали возле дома. А про то, что вы на балкон карабкались, очевидцы рассказали. Подтвердили, что стояли с вами двое, но они потом исчезли.

Инспектор вдруг пристально глянул на меня своими рыбьими глазами.

– А может быть, вы в квартиру хотели пробраться? А это ваши подельники были?

– Что?! – вытянулся я в лице.

– Ну вовсе вы не из-за девушки решили навыки свои показать. А квартиру обнести, через балкон. Домушники так

делают.

– Никакой я не домушник!

– На слово вам поверить? – усмехнулся инспектор. А потом вдруг очень серьезно произнес: – Вас, Андрей Александрович, мы еще проверять будем. И в школу зайдем характеристику взять, и с родителями поговорим. Воспитательную работу нужно с вами провести, чтобы вы впредь по домам не лазили.

– Да я же…

– Ладно, не оправдывайтесь. Разберемся, – участковый заполнил бумагу, протянул мне. – Все версии проверим, и вашу, и мою. Вот здесь распишитесь. «С моих слов записано верно». И дату.

Я взял ручку, долго рассматривал ее, не в силах сдержать улыбку. Тонкая, из матово-белой пластмассы, больше похожей на кость, с завинчивающейся красной верхней частью, какую обычно я в школьные годы нещадно обгрызал.

– Шариковая. Два рубля за нее отдал, – с гордостью ответил инспектор. И посмеялся: – Смотри, не прикармань. А то живо дело на тебя заведу!

Я расписался. С датой пришлось повозиться. Но подсказал инспектор. Выводить на бумаге цифру «1970» было самым необычным из всего сейчас произошедшего.

– Скорейшего выздоровления! – забирая бумагу и ручку, пожелал мне Елякин и ушел.

Я задумчиво побрел к себе в палату. В голове не уклады-

валось одно обстоятельство. То, что я перед девчонкой человека-паука разыгрывал – это как раз таки понятно. А вот почему я остался один, когда шмякнулся об асфальт? Куда подевались Артем и Марина? Испугались и убежали? Что же это за друзья такие?

– Ну, все в порядке? – спросил Михаил Андреевич, когда я вошел в палату.

– Все в порядке, – ответил я, украдкой глянув на Кайрата Айдыновича.

Тот лежал на кровати, делая вид, что не замечает меня.

– Ну и хорошо, – кивнул старик и продолжил чтение газеты, которую, казалось, перечитывал уже раз на пятый.

***

Мать не обманула. На следующий день медсестра Тома принесла пакет.

– На вот. Передачка тебе, – кинула она мне посылку.

От слова «передачка» повеяло какой-то уголовной романтикой, подумалось, что в пакете будут сигареты, чай и напильник в батоне хлеба. Но внутри оказались учебники и тетрадки. Там же лежала записка:

Андрюшенька! Готовься к экзаменам! Нужно их хорошо сдать, чтобы поступить в институт. Целую, мама

Экзамены… Что же мать так рано панику наводит с ними? Сейчас апрель, еще есть время в запасе. Хотя, его не так и много.

С кислым выражением лица я пролистал учебники. Белая с оранжевыми полосками «Геометрия», синеватая «Физика», строгая черно-белая «История СССР». Когда-то у меня были такие же. Вот уж не думал, что опять возьму их в руки.

Впрочем, скептичность довольно быстро сменилась. Я лег на кровать, принялся листать книги. И незаметно для себя с интересом погрузился в уже когда-то изученный материал. С удивлением обнаружил, что многое помню, нужно только освежить воспоминания. Экзамен стал не так страшен.

– Учи-учи, – кивнул Михаил Андреевич, добро улыбнувшись. – Знания нужны.

– Какие ему знания? – пробурчал Кайрат Айдынович. – Видно же по лицу, что жуликом каким-нибудь станет. Вон, по балконам уже как умело лазает.

– Да ну тебя к лешему! – отмахнулся старик.

Я с трудом поборол в себе желание как следует надавать этому Кайрату. Чувствовал, что молодое тело сможет это сделать, но не стал. Ни к чему хорошему это не приведет, напротив, только добавит проблем.

Понимая, что телевизора не будет, да и интернета тоже, а время как-то скоротать необходимо, я принялся читать учебники.

***

Время в больнице пролетело быстро, и настала пора отправляться домой. Доктор, проведя необходимый осмотр, кивнул – здоров.

Мать встречала внизу. Одежда, которую она передала мне в палату, была на мне – я успел переодеться. Странная одежда. Непривычная. Точнее, давно забытая. Сейчас уже и не вспомнить, носил ли я что-то такое. Скорее всего, носил. Но сейчас чувствовал себя не в своей тарелке.

Я был одет в серую водолазку с высоким подвернутым воротником и брюки, уже потертые и в некоторых местах аккуратно заштопанные. На ногах поскрипывали коричневые туфли с небольшим каблуком.

– Фирма! – увидев меня, воскликнул Михаил Андреевич, делая ударение на последней букве.

– Да какая это фирма? – презрительно фыркнул Кайрат Айдынович.

Он был прав. Вполне себе обычный наряд. Была бы фирма, если на мне сейчас были бы джинсы. А так простой наряд простого советского человека. Впрочем, вполне себе нормальный. Спокойный, без кричащей дикости, какая теперь творится в нынешней моде.

Я попрощался со всеми, кивнул даже Кайрату Айдыновичу, хотя он мне был противен.

– Дай бог еще свидимся, – ответил Михаил Андреевич за всех. – Удачи тебе, альпинист! И новых вершин! Только на этот раз, чур, не падать!

– Ну что, как себя чувствуешь? – спросила мать, встретив у порога больницы.

– Нормально, – ответил я, вглядываясь в первое, еще не такое теплое апрельское небо.

– Тогда пошли на остановку.

– На остановку? – не понял я.

– А что же, на такси, что ли? – буркнула мать, сурово глянув на меня.

Мы прошли через улицу, встали на остановке. Я все это время смотрел на дорогу, с удивлением отмечая, что поток машин минимальный. Казалось, что автомобилей вообще нет, хотя они, конечно же, были и ехали по своим делам – новенькие красные и синие «жигули», похожие на угрюмых жуков и также жужжащие «запорожцы», парочка «Волг», несколько автобусов «Юность». И никаких пафосных иномарок, из которых бьет музыка, сотрясая округу и потроха.

К остановке подъехал белый ЛАЗ с красными полосами по борту. Мы забрались внутрь, сели на места. Автобус зарычал и поехал прочь.

Всю дорогу до дома я пялился в окно. Никакой пестрящей из каждого угла назойливой рекламы и баннеров, никаких мониторов с надписями и брендами. Строгость и минимализм, ровные ряды новостроек, да молодые деревца, по-

саженные вдоль дороги.

И лишь на девятиэтажке, почти на самой крыше, виднелась надпись: «Красный октябрь». И на другой, напротив, «СЛАВА ВЕЛИКОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ».

Не сразу я понял, что так притянуло мой взгляд. И лишь когда мы вырулили на другую улицу, сообразил, в чем дело. Теснота. Ее тут нет. В моем городе моего времени она была повсюду. Пробки, потоки, движение, спешка. Тесные рядки машин, текущие узкими колеями вперед, такие же узкие потоки людей, множество людей, бегущих по делам. Все в сотках, все с какими-то стаканчиками с кофе и шаурмой, словно дома нет времени позавтракать, все на бегу, вся жизнь.

Тут же ничего этого не было. Машин мало, люди тоже не ходят – время десять часов, все на работе.

Мы вышли на нужной остановке, двинули к дому. Я шел чуть позади матери, потому что не представлял, куда направляться.

Двор был таким же просторным. По центру стояла детская площадка, на ней сваренная из труб ракета, деревянная песочница, лавочка, на которой сидели два старичка – один клевал носом над газетой, второй держал в руках коробку с домино. У дальней стороны площадки виднелись свежепосаженные, молодые тополя.

Мы подошли к одной из девятиэтажек. Эта была так называемая «брежневка», видимо, одна из первых. В доме имелся лифт и мусоропровод. Считай, элитное жилье.

Поднялись на седьмой этаж.

Квартира улучшенной планировки.

«Трешка», – понял я, заходя внутрь.

И вновь волна ностальгии захлестнула меня. В зале я увидел диван, парочку кресел, журнальный столик, на котором лежало несколько журналов «Вокруг света». У одной стены располагалась финская стенка, уже не новая, видимо, перекупленная у кого-то. За стеклами стенки виднелась хрустальная посуда. Другую стену закрывал ковер. На потолке – люстра каскадом.

– Кушать хочешь? – спросила мать.

Я покачал головой.

– Тогда отдыхай. А я побежала. Отпросилась у Константина Ивановича на обед, чтобы тебя встретить. Теперь возвращаться пора. В холодильнике найдешь что перекусить. Все, пока, до вечера! Я убежала!

И ушла, оставив меня одного в абсолютно незнакомой мне квартире.

Сначала я чувствовал себя, словно не своей тарелке. Словно вор какой-то. Потом постепенно обосновался. Осмотрел богатую библиотеку, в основном труды Ленина. Потом зашел в кухню. Не сдержался, заглянул в холодильник. Кастрюля с супом, сковородка с недоеденной яичницей, маленький кусочек «докторской» колбасы, килька, полбанки соленых помидоров.

Потом перешел в комнату. Как оказалась, она была моей.

Здесь я остановился надолго, решил изучить ее внимательней, чтобы лучше узнать того, в чьем теле я оказался.

Парень увлекался спортом, ходил в кружок путешественников, о чем говорили множественные вырезки из журнала «Вокруг света» на тематику гор и альпинизма – в основном картинки. На полочке плотными рядками стояли книги, исторические и фантастика. На самой верхней полке лежал самый настоящий ледоруб. Я осторожно взял его, примерился. В руке он лежал уверенно, как влитой, из чего я сделал вывод, что он определенно принадлежит парню.

Я вернулся в зал, сел у журнального столика. Начал от нечего делать листать один из журналов «Вокруг света». И на третьей странице остановился. Меня словно прошибло током. Там, на черно-белой зернистой фотографии, была запечатлена гора.

Да не простая, а та самая, которую я увидел в своем видении в больнице. Именно на ней, на самой верхушке, если верить моему сну, был некий свет, который мог отправить меня обратно в мое время.

Судорожно сглотнув подступивший ком, я прочитал заметку.

30 августа 1956 года объединённая команда московского «Спартака» и Казахского комитета физкультуры и спорта под общим руководством Виталия Абалакова сумела покорить вторую по высоте вершину СССР – Пик Победы.

Известная вершина, среди альпинистов называемая просто «семитысячник», одна из сложнейших, получила свое название в 1946 году. Пик пытались покорить в 1949 году алма-атинские альпинисты, но отступили после схода серии лавин с северного склона. В августе 1955 года сразу две экспедиции попытались покорить вершину: алма-атинская и узбекистанская. Первая команда поднялась до высоты 6930 м, но попала под снежный ураган, из 12 альпинистов в живых остался лишь один.

Я стал убеждать себя, что сон – это всего лишь сон, не более. Но не мог успокоиться и все продолжал смотреть на черно-белый снимок, как зачарованный. Если возможно перемещение в пространстве и времени, если существует переселение душ, то почему не может существовать некоего портала на верхушке горы?

Видение ведь об этом и говорило мне.

Нет, бред какой-то! Точно такой же, как возможность переселения душ…

С трудом заставив себя закрыть журнал, я встал. Принялся ходить из угла в угол, словно тигр в клетке.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей, я принялся рассматривать корешки книг на полке. Довольно скоро наткнулся на семейный фотоальбом.

А вот это интересно. Стоит полистать, чтобы быть хоть немного в теме. А то проколюсь на первом же вопросе како-

го-нибудь соседа или одноклассника.

Я принялся листать страницы, внимательно рассматривая фотокарточки. Черно-белые, блеклые, они хранили в себе теплоту и уют. Пленка дорогая, ее ограниченное количество, поэтому каждый кадр дорог, его на какую-нибудь ерунду не разменяешь. Это мы, поколение нынешнее, быстро обесценили кадр, сфотаешь тридцать кадров на какого-нибудь голубя и доволен. А тут… Все вымерено, оставлено на самое важное.

Вот праздничный стол, за которым сидят гости.

Вот мужчина с черной полоской усов и гитарой в руках что-то поет. Вокруг него сидят девушки и парни, кто-то задумчиво слушает, кто-то подпевает. В углу початая бутылка портвейна, огромная, словно огнетушитель, стыдливо спрятанная под столом.

А вот, кажется, и тот парень, в тело которого я попал. Еще совсем юный, стоит с отцом, на улице, возле кряжистого дуба.

Я пролистал альбом и кое-что обнаружил. Начиная с возраста примерно в пять лет, с фотографий пропадал отец. Ушел из семьи? Умер? Сложно было сказать, а фотографии молчали.

Я закрыл альбом, поставил на место.

Снятые при помощи «Зенита» или, может быть, «Смены», фотографии эти были дороги их владельцам. Аккуратно вставленные в уголочки (не вклеенные прямо на лист,

чтобы можно было дарить!), они хранили в себе всю память семьи.

На полке также имелся и мой альбом. Его изучить было так же важно. Но сделать этого я не успел.

Едва потянул руку, как услышал шорох. Оглянулся.

Почему-то мне вдруг показалось, что кто-то будет стоять прямо у меня за спиной.

Никого.

Я прислушался. Звуки определенно были, но вот откуда они?

Я вышел в коридор. Услышал, как в подъезде тяжело вздыхает лифт. А потом ручка входной двери неожиданно ожила и дернулась.

Черт! Кто это?!

Ручка вновь дернулась. Кто-то явно хотел попасть ко мне в квартиру. И я понятия не имел кто он.

А потом и вовсе случилось неожиданное – раздался лязг ключей и замок начал крутиться, отпираясь и впуская в мое убежище незнакомца.

Глава 4. Школа

Что делать? Огорошить незнакомца по голове вазой? Паника охватила меня – сказалась вся необычность ситуации: я в чужом теле нахожусь в чужой квартире в абсолютно далеком времени. Ну как тут не растеряться?

Дверь распахнулась. На пороге возникла… мать.

– Вот, решила отпроситься на весь день! – сказала она, улыбнувшись.

– Отпроситься? – только и смог повторить я.

– Ну да. Константин Иванович отпустил, говорит, что за тобой уход нужен. Дал день отгула. А я ведь знаю, что ты и не поешь перед школой толком, а у тебя желудок.

– Перед школой? – настороженно переспросил я.

– Конечно, – мать сняла обувь, прошла в ванную, откуда крикнула: – Сегодня у тебя занятия с часу. Вот, нужно успеть покушать и вещи собрать, погладить не забудь брюки, они после стирки мятые.

Мать пристально посмотрела на меня, с укором спросила:

– Или ты собирался прогулять занятия?

– Не собирался! – обиженно ответил я на автомате.

– Тогда собирайся. Форму я уже погладила, сейчас будем кушать.

– Хорошо, – кисло ответил я.

Вновь паника появилась в душе. Школа? Мне нужно

вновь идти в школу?

Мать пошла в кухню, где некоторое время громыхала кастрюлями. Потом позвала обедать.

На обед был вермишелевый суп.

– Ну, чего смотришь? Ешь! – мать подала ложку.

Я без аппетита зачерпнул одну, другую. Потом, почувствовав, как горячий супчик согревает нутро, принялся махать ложкой живей.

– Ну вот, – обрадовалась мать. – А то сидел бы без меня голодный. Или опять нажевался бы хлеба с килькой. Давай, ешь.

Я доел суп, поблагодарил за обед. Принялись пить чай с баранками.

– Вот тебе рубль, – протянула мать несколько монет.

– Зачем? – растерялся я, не сразу сориентировавшись.

Тупо глядя на монеты, я не представлял, что вообще на это можно взять?

– Купишь после школы хлеба. Ну и в школе перекусишь, булочку с чаем возьмешь.

– Да зачем, у меня свои… – начал я и осекся.

Привыкший к тому, что и сам могу себе купить что хочу, – недаром столько лет трудился, – я понял, что здесь у меня ничего нет – ни работы, ни денег. Я полностью завишу от матери.

– Что такое? – не поняла мать.

– Я хочу… устроиться на работу, – ответил я.

– Какая тебе работа? – тут же запротестовала та. – Сначала школу закончи, да чтобы без троек. Успеешь еще наработаться.

Спорить с ней я не стал, но для себя решил – найду хоть что-то, да хоть подработку грузчика, но чтобы были свои деньги, честно заработанные. Не привык я сидеть на шее у женщин.

– Ну все, время уже, – поторопила меня мать, убирая посуду в раковину. – Собирайся.

Чтобы пойти в школу понадобилось множество сил и внимания. Я не представлял, где она находится и потому шел наугад, зорко выглядывая детей с портфелями. Логично предположив, что они тоже направляются по нужному мне адресу, я решил идти следом.

– Андрюха! – вдруг кто-то окликнул меня.

Я не сразу обернулся, привыкший за множество лет все же к своему настоящему имени – Сергей.

– Андрюха, стой! Куда вчесал? – раздалось уже ближе.

И чья-то ладонь легла мне на плечо.

Я обернулся.

– Ты чего? Оглох?

Передо мной стоял парнишка моего возраста, худой, черноволосый. Увидев у меня на лбу пластырь и царапины, присвистнул.

– Ты где так? На костаревских нарвался?

– Нет, – ответил я. – Упал.

– Тебя как будто грузовиком прокатило! – усмехнулся собеседник.

– Ну, ощущения похожие, – кисло ответил я.

Парень двинул вперед, я интуитивно пошел следом. Понял, что мне он знаком и что наверняка учится со мной в одной школе. А значит, нам по пути.

– На танцы сегодня вечером пойдешь? – спросил парень.

Я неопределенно пожал плечам.

Некоторое время шли молча. Я понимал, что так дело не пойдет – я никого не знаю, даже номер класса своего. Нужно что-то срочно придумать. Но вот только что? Особых мыслей не было, кроме как честно признаться парню, что я ничего не помню. Глаза вроде у него честные, на подлеца не похож. Может быть, хороший друг? Надо рискнуть. Да и был ли другой вариант?

– Послушай… – начал я, остановив парня за локоть. – Я позавчера грохнулся сильно, в больнице лежал.

– В больнице?! Это поэтому тебя в школе не было? – спросил тот. – А я думал, в поход ушел с Дубининым со средней группой, он вроде собирался.

– Нет, не в поход. В общем, головой приложился. Вот, смотри.

И, откинув копну волос, я продемонстрировал ему зашитый шрам.

– Ух, чтоб тебя! – только и смог выдохнуть удивленный парень. – Зашивали!

– Вот-вот, – кивнул я. – И, в общем… память потерял.

Парень долго смотрел на меня, словно пытаясь понять, разыгрываю я его или нет?

– Как это – потерял? – настороженно спросил он.

– А как еще можно память потерять? Начисто. Как белый лист в голове.

– Врешь!

– Да чтоб мне провалиться на этом месте!

– И что, прям ничего не помнишь? – продолжал тот, явно не доверяя мне.

– Я твое имя вспомнить не могу, – хмуро ответил я.

– Андрюха, ты чего? – совсем растерялся парень, хлопнув меня по плечу. – Это же я, Егор!

– Егор? Ну вот теперь знаю, как тебя зовут.

– Да не может быть такого!

– А какой резон мне тебе врать?

Парень не нашелся что ответить.

– Ну да, резона нет. Мать знает?

– Нет, – покачал я головой. – Я и ее-то имени вспомнить не смог.

– Маркс твою Энгельс!

– Думал, вернется память, не хотел ее расстраивать. Но не вспомнил. Совсем все плохо.

– Вот дела! Да тебе в больницу нужно!

– Был я уже там. Сказали временно это. Потом все вспомню.

– Знатно тебя!

– В общем, я тебя попросить хотел об услуге одной. Только это строго между нами! Сам понимаешь, что дело деликатное. Могу и в соответствующие органы отдать, если ты понимаешь, о чем я.

– Я – могила!

– Егор, ты бы мне рассказал кое-что про меня. Ну, чтобы я память освежил свою. Глядишь, и вспомню все.

Егор смотрел на меня, округлив глаза. Потом спросил:

– А что именно нужно-то?

– Ты мне расскажи… – я задумался.

А действительно, что мне нужно?

– Расскажи про Артема, – сказал я, вспоминая разговор с инспектором.

– Про Шестова, что ли? – улыбнулся Егор. – Так это приятель твой закадычный, не разлей вода! Вы с ним в клуб ходите, путешественников, или как он там называется?

– В одном классе учимся?

– Ну.

– А с тобой?

– Нет, я с параллели. Ты в «А», я в «Г». Ну даешь! Мы с одного двора! Не помнишь, как прошлым летом на рыбалку ходили с ночёвкой? Я вот такую щуку поймал. Ты еще проспорил рубль.

– Нет, не помню.

– Ну ты… Андрюха, тебе бы в больницу. Память – это

штука важная. Как же ты без нее?

– Ничего, вспомню все. Надо только помочь ей. Рубль-то отдал?

– Нет, – после заминки ответил Егор.

– Врешь!

– Ну вот! – рассмеялся парень. – А говоришь, что ничего не помнишь! Отдал, не переживай. Мы же с тобой потом эти деньги и потратили. На танцах, помнишь? Маринку ты еще тогда мороженым угощал. А я Людку. Потом целовались на лавочке.

Егор мечтательно закрыл глаза.

– Марина… – протянул я, припоминая и ее.

Это ведь я из-за нее полез на третий этаж.

– Самойлова, из десятого «Б», – пояснил Егор. – Нравится она тебе.

– Что-то смутно припоминаю.

– Еще бы! – хмыкнул Егор. – Ты из-за нее как сам не свой. А она вертихвостка. То вроде танцует с тобой на танцах, хихикает. А то ее с Костаревым видят и его компанией. Не лез бы ты в тот огород, Андрюха.

Мы подошли к школе, двухэтажному кирпичному зданию с огромными окнами спортзала с одной стороны. На крылечко вывалилась ребятня: и младшеклассники, и старшие. Первые визгливо кричали, вторые украдкой курили за углом школы.

– Ну все, давай! – пожал мне руку Егор. – Вечером, если

хочешь, можем пересечься. Я на танцы думаю сходить. Подходи, если желание будет, расскажу, может, еще чего.

Мы попрощались. Егор ушел на второй этаж, а я остался на первом, не представляя, куда идти. Потом сообразил посмотреть дневник. Оказалось, что сейчас у нас занятия по алгебре. А расписание кабинетов, вывешенное в коридоре, указало нужный.

Я поднялся на лестнице на второй этаж, свернул в длинный коридор. Потопал по деревянному полу в аудиторию № 25. Там уже сидели мои одноклассники. Я мельком глянул на всех. И никого не узнал, кроме одного. Артем. Он сидел на предпоследней парте и, увидев меня, сразу же уткнулся в книгу.

– Андрюха, привет! – воскликнул кто-то. – Где пропадал?

Я обернулся. На третьей парте сидел рыжий паренек.

– Привет! – ответил я.

Жест парня, отодвигающего свои вещи с пустого места, подсказал мне о том, что это именно мое место. Я сел.

– В больнице был, – ответил я чуть тише. – Потом расскажу.

На тетрадке, лежащей на столе, я украдкой прочитал имя моего собеседника.

Ученика 10 «А» класса Крюкин Константина

– Костя, у меня голова болит. Давай все расспросы потом?

Крюкин оказался из понятливых, буркнул «хорошо» и уткнулся в свою тетрадку. Я же украдкой принялся рассматривать класс. Десятый… Парни крепкие, у некоторых уже и усы под губами. Девушки созрели, красавицы, все при теле, подтянутые. И юбки у всех по форме, до колен, но это только разжигает фантазию. Ух, гормоны!

– Здравствуйте, ученики! – в комнату вошла учитель.

Была она уже пожилой, седой, но обладала почти военной выправкой и орлиным взглядом, который выдержать было не каждому дано. Вот и я невольно опустил взгляд, когда учитель с фразой «отвечать будет…» начала оглядывать класс. Рефлекс, выработанный школьными годами.

Вызвали Петрова. Он нехотя поплелся к доске и принялся что-то мямлить про сумму уравнений.

Школьные будни… Я и забыл уже каково это. Скучно. Сонно. Долго.

– Записываем уравнение, – сказала учитель, когда Петров с горем пополам ответил и пошел на свое место.

Она принялась ходить между рядами, диктуя уравнение. Потом остановилась около меня.

– Итак, – сказала учитель, глядя на меня. – С чего начнем?

– С раскрытия скобок, – неуверенно ответил я, хотя понятия не имел, так ли это.

– Верно, – кивнула учитель. – Давай, раскрывай.

Я раскрыл, напрягая ум, принялся считать. В обычной жизни вряд ли бы я смог что-то выудить из головы – и па-

мять не та, и гибкость мозга не такая хорошая. А тут… все изменилось. Я напрягал ум, и он послушно отзывался на мои позывы, выдавая нужные формулы и шаги по решению.

– Хорошо, – кивнул преподаватель, наконец, отойдя от меня. – Теперь давайте вспомним тригонометрические уравнения.

И вновь глянула на меня.

Тут я понял, что с этим заданием даже мой новый мозг не справится.

Звонок на перемену был как спасение. Толпа подскочила, начала шумно собирать учебники.

– Куда собрались? – повысила голос учительница. – Звонок для учителя! Я никого не отпускала.

По классу разнеслись вздохи сожаления. Учительница строго всех осмотрела, спросила:

– Домашнее задание все записали?

– Записали, – нестройным хором ответили ученики.

– Тогда урок окончен, можете быть свободны.

Толпа повалила в коридор. Следующим уроком по расписанию должна была быть литература, которая проводилась в кабинете напротив, так что далеко идти не нужно было, и все скучковались возле лестничного марша.

Мне же нужно было переговорить с Артемом, задать ему парочку вопросов, на которые я хотел бы получить исчерпывающие ответы.

– Артем! – позвал я парня, увидев, как тот выскальзывает

из кабинета.

– Андрей! – улыбнулся тот. Но улыбка выдалась какой-то нервной. – Я сейчас. Мне вниз надо. Я скоро!

И не успел я подойти к нему, как тот ускользнул по лестнице вниз.

Странный он какой-то.

– Смотри, Самойлова идет! – шепнул мне Егор, ухватив за плечо и не дав пойти вниз, за Артемом.

Я обернулся.

И увидел ее…

Марина. Она была высокой, стройной, жгучей брюнеткой. И вроде форма школьная, такая как у всех девчонок, но сидела так, что невольно притягивала к себе взгляды парней. Большие глаза, небесно-голубые, губки алые, точеный подбородок. Теперь я понимал, почему Андрей полез ради нее на третий этаж. Тут и на крышу полезешь, только чтобы один взгляд подарила.

– Марина, привет! – крикнул я через толпу, и сам даже не зная зачем.

Сработал на инстинктах, которые подсказывали сейчас сделать именно так. Вряд ли бы это сделал прошлый Андрей, но мой опыт подсказывал – будь смелей.

Девушка оглянулась, заинтересованно глянула на меня.

– Андрей? – было видно, что она растерялась, словно увидела призрака.

– Привет!

– Привет, – ответила та, подходя ближе. – Как ты? Я так переживала за тебя!

– Я в порядке. Вот, голову только немного поцарапал. А в целом – все нормально.

– Я ведь говорила тебе не лезть туда, дурачок ты непослушный!

Девушка погладила меня по плечу, и этот жест был таким приятным, что я невольно растянулся в улыбке.

– Я узнать хотел по поводу помощи… – начал я, но девушка тут же перебила меня.

– Я, как только увидела, что произошло, сразу побежала к будке телефонной, чтобы «скорую» вызвать! Прибежала – а он не работает. Я к другому, который на соседней улице. Пока дошла, пока позвонила… в общем, вернулась, а тебя уже грузят в карету. Сказали, что кто-то до меня вызвал. Я так переживала за тебя!

– Маринка! – окликнул кто-то девушку.

Она оглянулась, я тоже зыркнул украдкой.

Какой-то паренек, коренастый, крепкий. Рядом такие же ребятки стоят, подстать ему.

– Чего там встала? Чего с придурками какими-то общаешься? Пошли отсюда.

Та послушно пошла, даже не оглянувшись на меня.

Меня это задело.

– Это кто? – тихо спросил я Егора, который стоял рядом.

– Костарев, – одними губами ответил тот.

Судя по тону, с каким он это сказал, я понял, что паренек какой-то не простой. Да и вид у него был соответствующий.

– Шишка местный? – шепнул я.

– Угу. Недавно перевелся. Из третьей школы. У него батя где-то в органах работает, власть имеет. Вот он и пользуется этим!

– От осинки не родятся апельсинки, – философски изрек другой парень, тоже из моего класса.

Я глянул на Костарева.

Вида он был вполне соответствующего, взгляд исподлобья, чуть сутуловат, что выдает боксера, пружинистая походка. Да, с таким не каждый захочет иметь дело. Только вот я впору своей юности тоже ходил на бокс, даже выступал за область и занял первое место. Меня таким уродом не напугать.

Костарев, словно почувствовав мою вспыхнувшую к нему в мгновение ненависть, решил подлить масла в огонь и направился прямо на меня. Шел он на лестницу, но намеренно ткнул меня плечом в плечо. На слабо брал. Я не отошел.

– Тебе места, что ли, мало? – бросил я ему, чем удивил всех: от самого Костарева до моих спутников, стоящих рядом.

– Ты чего? – пропищал Егор, явно не желая ввязываться в разборку.

– Я сам разберусь, – успокоил его я.

– Это кто там гавкает? – повернулся Костарев.

Мне хотелось ответить ему фразой из фильма про Жеглова, но я сдержался, сказал:

– Гавкаешь ты. Я разговариваю.

Это еще больше удивило Костарева. Он резко развернулся, зыркнул на меня.

– Кто такой?

– Кто тебя не боится.

– Смелый? Ну это мы сейчас живо исправим.

Насчет боксера это я не прогадал. Правда, никаким мастером спорта там и не пахло, даже КМС. Максимум вторым юношеским. Не самая хорошая постановка позы, руки слишком низко, подбородок открыт. Видимо, для местных пацанов и этого хватает.

Но со мной такое не пройдет. Я ведь в школьные свои годы и в самом деле ходил на бокс и кое-чему научился.

Я решил во что бы то ни стало проучить задиру. Пусть знает, что такое унижение. Самые важные жизненные уроки мы получаем в школе. Вот он сегодня один такой и получит, и узнает, что на всякую силу есть сила большая.

Костарев играл на толпу, демонстративно разминался. Марина, стоящая в углу, с ужасом смотрела на меня. Кажется, она даже не верила в положительный исход драки.

– Э-кх! – попытка провести короткий прямой удар не увенчалась успехом, я ловко ушел под руку.

Это удивило Костарева, но виду он не подал. Попытался еще ударить.

И вновь короткий прямой. Видимо, его коронный.

Я опять ушел. Приятно ощутил, как пружинят мои молодые ноги, как четко слушается команд тело и мускулы. И ничего не скрипит, не болит, не колит. Кайф!

Ну-ка, попробуй это!

Серия из двух джебов и хука произвела на Костарева неизгладимое впечатление. Отскочив назад, вертя головой, в которую пришлись все три пропущенных удара, он выпученными глазами посмотрел на меня. Потом перевел взгляд на своих спутников. На молчаливый вопрос получил лишь непонимающие пожимания плечами своих спутников.

– Задавлю! – прошипел противник.

И вновь ринулся в атаку.

Видимо, ярость распалила парня, он, наконец, стал отрабатывать лучше. Два боковых, два прямых. Блоком я принял их, чувствую силу противника. А потом контрударил. Желая эффектней задеть противника, провел апперкот.

И попал!

Костарев клацнул челюстями, расстелился на полу. Некоторое время непонимающе смотрел по сторонам. Потом, поняв, что произошло, резко подскочил. Шатающейся походкой пошел на меня. Зря это он. Лучше бы отсиделся. Потом голова будет как чугунная и болеть будет пару дней, не переставая.

– С тебя хватит! – рявкнул я.

Но Костарев не желал терять авторитет в глазах окружаю-

щих, решил идти до конца.

Толпа, собравшаяся вокруг, затихла. Каждый понимал, что сейчас творится история, о которой будут говорить в ближайшие месяцы за школой, пересказывать в красках, добавляя что-то от себя, откровенно привирая.

А вот удар коленом – это уже нарушение правил. За такое в спарринге могут и темную устроить. Но, видимо, для Костарева не было никаких принципов.

Разозлившись, потрясывая ушибленную ногу, я решил поставить в этом поединке точку. Если уж от противника пошла такая подлость, то пощады не жди!

Два обманных. Пауза. Еще обманный. Боковой в руку, чтобы оттянуть ее. И хук слева, точно в угол челюсти. От сухого щелчка даже вздрогнули спутники Костарева – словно плетью. Сам противник неуклюже махнул рукой и в глубоком нокауте завалился на пол. Бой бы окончен.

Повисла долгая пауза, затянувшаяся до тех пор, пока не прозвенел звонок. И даже потом все принялись расходиться по классам в траурном молчании, поглядывая на Костарева. Парень очнулся, тряс головой, фыркал. Потом, выхватив меня рассеянным взглядом из толпы, прошипел:

– Конец тебе!

Судя по испуганным лицам ребят, я понял, что это не какая-то образная угроза. Проблемы ожидались самые серьезные. И видимо, в скором времени.

Глава 5. Дубинин

– Знатно тебя приложило об голову! – произнес Егор, осторожно крадучись подходя ко мне со спины, словно я мог его ужалить. – Ты зачем Костарева так отделал?

– Заслужил, – ответил я.

– Он-то, может, и заслужил. Только вот разворошил ты осиный улей.

– Не надо меня пугать.

– Андрюха, а я и не пугаю, говорю, как есть. Он же сейчас дружков всех своих соберет и тебя возле школы караулить будет. С одним ты справился, тут вопросов нет. А с пятью?

Вопрос был резонным, но найти на него ответа я не смог.

– Поэтому, Андрюха, подумай, как назад будешь возвращаться домой.

Егор воровато оглянулся, сказал:

– Ладно, пойду я.

И ушел, оставляя меня одного. Кажется, вляпался я в самое настоящее дерьмо, потому что вонь поднялась знатная, и никто теперь подходить ко мне не желал. Это было видно по тому, как на меня украдкой поглядывают ученики, о чем-то боязливо перешептываясь. Впрочем, меня это не пугало. Да, неприятно. Но Костарева я один раз уже научил уму-разуму. Могу и второй раз.

Оставшиеся уроки я отсидел кое-как, и звонок с послед-

него урока встретил с радостью. Пора было возвращаться домой.

– Андрюха! – раздался голос за спиной.

Я обернулся. Это был Костя Крюкин, мой сосед по парте.

– Пошли, опаздываем уже.

– Куда?

– Как куда? – возмутился Костя. – На тренировку к Дубинину! Или ты не пойдешь сегодня?

– Пойду, – ответил я, хотя и сам не понял, зачем так сказал.

Что за тренировка? Что за Дубинин? Я понятия не имел. Хотя подозрения кое-какие появились.

– Ну так пошли! Уже опаздываем!

И потянул меня на выход.

Мы двинули на улицу. Там никто нас не поджидал, хотя я и ожидал чего-то подобного. Солнечный апрельский денек приятно согревал, и мы довольно скоро подошли к серому двухэтажному зданию, на дверях которого висела табличка: «Клуб альпинизма “Снежный барс”».

Да, именно про что-то подобное я и подумал. У парня в комнате был ледоруб и множество вырезок из газет и журналов про альпинизм. Логично, что и ходит он в подобную секцию по своим интересам.

Только вот я абсолютно не представлял, что там делать.

Мы зашли внутрь. Там уже слышались голоса, и Костя вновь поторопил меня. Мы вошли в раздевалку, где я обна-

ружил вешалку со своим именем, на котором висела нехитрая форма – шорты и майка. Там же была и защитная экипировка – шлем, предохранительный пояс, специальные легкие кеды, больше похожие на чешки, усиленные дубленой кожей на носках.

– Поспеши! А то Дубинин опять орать будет! – сказал Костя, натягивая обувку.

Я быстро переоделся, и мы вышли в основной тренировочный зал. Он представлял собой баскетбольную площадку, только вместо кольца на стене висели узловатые веревки, по которым, видимо, нужно было карабкаться вверх, к самому потолку, где располагался небольшой деревянный помост.

Вся противоположная стена была преобразована в тренажер для отработки крепления страховки – тут виднелись небольшие выступы и проушины.

Возле стены стоял парень, жилистый, крепкий. Лысая, вся в шрамах голова и кривой, сломанный нос доверия не внушали, но вот глаза, напротив, сразу обезоруживали и успокаивали. В них светилась доброта, и я сразу понял, что это и есть тренер – Дубинин.

– Ну что, молодняк, опять через магазин шли? – обратился он к нам хрипловатым голосом. – Вечно вы опаздываете.

– Уроки, – коротко ответил Костя.

– Уроки – это хорошо. Только и про тренировки забывать нельзя.

Я мельком глянул на других подростков, которые разминались. Было их человек двадцать, среди них виднелись и девушки. Все примерно одинакового возраста.

– Давайте на разминку! – кивнул нам тренер.

Мы пробежали пару кругов, встали в сторонке, принялись разогревать мышцы. Я повторял все за Костей и особых затруднений не испытывал, старался не выделяться из толпы. Некоторые парни переговаривались, шутили, что-то увлеченно обсуждали. Чуть прислушавшись, я понял, что говорят они о документальном фильме «Индийские йоги – кто они?». Такого фильма я не смотрел, но вставить свои «пять копеек» про йогов хотелось до жути. Пришлось даже ущипнуть себя, чтобы не сделать этого. Вряд ли пойдет на пользу этим ребятам информация про агхори и прочих темных ответвлениях йоги. Они вон про простые, казалось бы, асаны обсуждают так, будто это какое-то невероятное чудо. Впрочем, их можно понять. Интернета еще нет и найти информацию гораздо трудней – в лучшем случае повезет натолкнуться на какие-нибудь крупицы занимательного в городской библиотеке.

Потом парни перешли на «Белое солнце пустыни». Ну тут уж я сдержаться не смог и припомнил пару коронных фраз про «Гюльчатай, открой личико» и «Восток – дело тонкое». Парни одобрительно заулыбались. Мы разговорились.

Из осторожных уточнений и вопросов я понял, что это старшая группа. Занимаются они чаще нас, поэтому и захо-

дят в нашу группу, чтобы размяться.

– Закончили! – бодро произнес Дубинин минут через двадцать. – Ну-ка, молодняк, взяли веревки. Подъем на высоту – это здорово. Но только если главного не умеешь – узлы вязать и страховку крепить, то никакой ты не альпинист, а так, кусок мяса человеческого, который решил героя из себя выдавить. Ну-ка, вяжите мне «булинь»!

Чего? Булинь? Это рыба какая-то? Или алкогольный напиток?

– Узел «булинь»! Быстрей! – поторопил Дубинин.

В голове вспомнилась какая-то смутная строчка из старой песни:

Если ты решил заняться альпинизмом,
Ты решенья своего не изменяй,
Рюкзачок на плечи вскинь,
На груди висит булинь,
Никогда и нигде не унывай.

Эх, только вот знать бы, как этот самый булинь вязать! Я непонимающе уставился на остальных. Другие парни умело принялись делать узел, я же, не поспевая повторять, не смог выполнить команду.

– Так, хорошо, а теперь пруссик. Верно. А теперь «ткацкий». Крюкин, я сказал «ткацкий», а ты что сделал? Обычную. Внимательней! Теперь двойной простой стопорный. Так, все молодцы. Переходим на снаряды. Кроме Герасимова. Ты останься.

Дубинин смерил меня суровым взглядом.

Я печально глянул на ребят, которые ушли в другую часть помещения, где находились тренажеры.

– Андрей, что с тобой? – серьезно спросил Дубинин, глядя мне прямо в глаза. – Какой-то ты сегодня растерянный. Ни одного узла не можешь связать. Сопли какие-то получаются вместо нормальных узлов.

– Я просто… В общем, растерялся.

– Чего это ты растерялся? Проблемы какие-то в школе? Или в семье?

– Нет, все в порядке. Просто… дело молодое! Сейчас все сделаю, – я украдкой глянул за спину Дубинина.

Там, на стене, висел старый плакат, на котором были изображены те самые узлы и способы их завязки. Я повторил все шаги (благо, они были нарисованы понятно).

– Вот, – я неуклюже завязал самый простой – восьмерку.

Дубинин скептически глянул на узел, покачал головой.

– Дело молодое, говоришь? Понимаю, сам таким был. Девушки, гитара, лавочка во дворе, вино. Это все хорошо и весело. Только давай на занятиях откладывать все это в сторону, голова тут должна быть занята другим. Погляди на тех парней, – он кивнул на ребят, которые разминались, – они за сезон значок и разряд сделали. Ловкие, сильные, внимательные. И ты такой же, даже лучше. Не хвалю сейчас тебя, просто говорю, как твой тренер. У тебя тоже значок «Альпинист СССР» уже есть, ты не просто юниор. Так что давай,

выкидывай из головы всю эту придурь и работай. Именно работай. Понял?

– Понял.

– Вот и хорошо. Тем более скоро к нам важные люди приедут на смотр.

– Кто? – не сдержался я.

– Мне-то откуда знать? – пожал плечами Дубинин. – Сказали, что важные. Будут смотреть. Наверное, кто-то с комсомола и с комиссии по делам молодёжи.

– А чего на нас смотреть?

– Много вопросов задаешь, Герасимов, – жестко ответил Дубинин. – Опять не тем голову забиваешь. Иди, отрабатывай подъемы.

Я двинул на снаряды. Информация о приезде некой комиссии меня насторожила, и зародило в душе неприятное чувство. Когда в маленький, ничем не примечательный спортивный клуб приезжают такие высокие люди, ничего хорошего не жди.

Но об этом я вскоре позабыл. Едва я подошел к стене, на которую карабкались другие ребята, как меня словно окутала эйфория. Я практически физически почувствовал, как мышцы потянули меня к стене, желая на нее забраться. Я же сомневался.

Молодое тело… Как же я соскучился по нему! Забыл каково это – быть сильным, крепким, юным. Вот и теперь стоял как вкопанный возле стенки, не смея запрыгнуть на нее.

– Андрюха, чего ждешь? – крикнул Костя, обходя уже второй круг, карабкаясь ловко, словно обезьяна. – Давай, подключайся.

Я несмело зацепился рукой за один выступ, ткнулся носком ноги в другой. Подтянулся. И вместо ожидаемой старческой боли в спине вдруг ощутил невероятную легкость. Мышцы слушались идеально, а сухое крепкое тело было легче перышка.

Я подтянулся на одних руках вверх, перекинулся на другой зацеп. И с трудом сдержал радостный смех. Как же легко! Когда последний раз я подтягивался? Да и сколько мог? Два раза? Один? А тут чувствовал, что могу выжать не менее полусотни и даже не запыхаться.

Перенеся точку опоры с одной ноги на другую, я оттолкнулся и подпрыгнул. В прыжке уцепился за верхний зацеп и повис на нем. Вот это сила! Да я мир могу перевернуть!

– Герасимов! Опасно! Без озорства! – строго прикрикнул Дубинин, погрозив пальцем.

Но меня было не остановить. Я хотел лезть все выше и выше, хотел ощущать свое сильное молодое тело, хотел быть на самой вершине. Все и сразу.

– Вот, теперь узнаю Андрюху! – улыбнулся Костя, спускаясь вниз и вытирая взмокший лоб.

Остальные ребята тоже спустились вниз. Меня же было не остановить. Я уже начал чувствовать усталость, но она была сладкой, тягучей, какая бывает только в молодости – ника-

кой боли или прострелов, только горячее ощущение натруженных мышц, налившихся силой.

– Герасимов! Давай вниз! – крикнул Дубинин. – Полчаса уже резвишься. Пожалей пальцы! Мозоли тебе сейчас ни к чему! Для комиссии сил оставь.

Я нехотя спустился. Глаза застилал пот, но не было никакой тяжести. Я чувствовал, что могу забраться наверх еще раз пять. Но не стал. Дубинин прав, нужно поберечь себя. Непонятная комиссия приедет не просто так.

Мы все собрались в раздевалке и принялись живо обсуждать прошедшую тренировку.

– Андрюха, говорят, ты по балконам научился лазать? – спросил парень из старшей группы.

Остальные весело засмеялись.

– Как показала практика – не научился! – в тон ответил ему я и потер ушибленную голову.

Раздевалка вновь взорвалась смехом.

– А что же друг твой Артем не подстраховал тебя?

Я не нашелся что ответить – и сам хотел бы знать ответ на этот вопрос.

– Кстати, а где он? – парень обернулся.

– Сегодня не пришел, – ответил Костя.

– Странно, всегда приходит, а тут вдруг не пошел.

Парни перескочили на другую тему, а я задумался. Поведение Артема вызывало много вопросов, но задать их у меня не получалось. Хотелось верить, что все же удастся.

***

Вечером мы с матерью сидели за кухонным столом, ужинали. Ели жареную картошку прямо из чугунной сковороды, прикусывали солеными огурцами, хрусткими, кисловатыми, вкусными до сумасшествия. Я старательно прикрывал сбитые от долгого лазанья пальцы, но мать давно все заприметила и лишь усмехнулась.

– Опять, небось, по балконам лазишь?

– Нет! Я просто… – но придумать быстро причину – от чего получил такие травмы – не смог.

– Ох, Андрей, не доведет тебя до добра твой спорт. Альпинизм этот, – последнюю фразу она произнесла с брезгливостью.

– Все нормально, – как можно спокойней произнес я. – Не переживай.

В былые дни я бы согласился с ней: альпинизм – опасный спорт. Но попробовав раз, я был теперь словно наркоман, требующий новой дозы. Мне хотелось карабкаться вверх, получая неизгладимые впечатления.

Некоторое время ели молча. Потом мать сказала:

– Андрей, послушай. Я подумала насчет твоих слов.

– Каких?

– Насчет работы.

– Так, – мне стало интересно, я даже отложил вилку и огу-

рец.

– Чем ты сам будешь что-то искать, еще какую-нибудь шаражку найдешь, свяжешься с алкоголиками какими-нибудь… В общем, я лучше тебе сама хорошую найду, – и после паузы добавила: – Точнее, уже нашла.

Я вспыхнул, но вовремя сдержал себя в руках. Разум опытного человека подсказал, что с точки зрения матери, это абсолютно правильное решение – самой найти сыну работу, ту, что, по ее мнению, достойна его. Не «шаражку», как выразилась мать.

А вот мать ожидала от подростка все же несколько иной реакции, и когда ее не последовало, явно удивилась.

– Ты же ведь не против? – даже переспросила она.

– Не против, – ответил я, вновь откусывая огурец. – Если не будет мешать учебе.

– Не будет! – тут же с вдохновением выдохнула мать. – Я ведь так и искала. У нашего бухгалтера Софьи Михайловны знакомый есть в гастрономе «Салют». Там вакансия есть грузчика. На полставки. Ты можешь в первой половине дня туда ходить. Там не тяжело, я узнавала. Ящики с фруктами и овощами, молоко. Платить будут тридцать рублей. Да еще и, поди, что перехватить удастся.

Я с трудом стал вспоминать – тридцать рублей это много или мало? Вроде выходило что мало.

– Это потому что полставки, – словно прочитав мои мысли, произнесла мать. – А что ты хотел? Ты школьник, полдня

на уроках. Я еле договорилась, чтобы тебя взяли. На карманные расходы хватит тебе, куда больше?

– Ладно, хорошо. Я согласен, – ответил я, понимая, что лучше я вряд ли найду.

Тридцатка – тоже деньги. К тому же позволит немного осмотреться, понять и вспомнить окружающий мир. Прийти в себя.

– Когда можно выходить на работу?

– Да хоть завтра! Вот адрес, – мать протянула мне заранее заготовленную бумажку. – Скажешь, что от Софьи Михайловны по поводу работы, там все сделают.

Я взял бумажку, спрятал ее в карман.

Мы поужинали, я вызвался помыть посуду, чем вновь вызвал удивление матери.

Уже собирался идти к себе в комнату, как в дверной звонок позвонили.

Мать открыла дверь. Кто пришел я не видел – стоял у раковины, натирая тарелку. И лишь услышал строгий мужской голос:

– Добрый вечер! Старший инспектор Белкин. Герасимов Андрей здесь проживает?

– Здесь, – выдохнула мать.

– Вот и хорошо. Нам нужно серьезно с ним поговорить.

Глава 6. Шанс

– Андрей! – позвала мать.

В ее голосе звенел страх.

Я и сам был растерян, не понимая, по какому поводу ко мне пришли.

В голове начали рождаться странные теории, одна причудливей другой.

А что, если все это – какой-то дикий эксперимент? Например, посмотреть, как поведет себя человеческая психика, если ее поместить в такие необычнее условия? Вдруг где-нибудь в застенках правительственных лабораторий готовят уже первый опытный образец машины времени? Сразу сажать туда людей нельзя – неизвестно, что будет. Сначала испытания провести нужно.

Вот они и создали подобие виртуальной реальности, с полным погружением в СССР. А что, вполне сносная теория. И все объясняет. Например, что взяли именно меня, а не кого-то другого. Я ведь пенсионер, человек старый, пожил свое. Если что случись со мной – не жалко.

Только вот я согласия на это не давал!

А пришли, видимо, те, кто этот эксперимент и затеял. Хотят в щадящем режиме вывести меня обратно в мое время. Увидели, что адаптировался дед, уже и работу нашел, и в школе успел подраться. Нормально, значит, прошло все.

жизнеспособный.

Нет, в это верить не хотелось. Ерунда какая-то: виртуальная реальность, машина времени… Ведь настоящее все!

Я даже провел по стенам рукой, ощущая их шероховатость, холод бетона. Нет, тут что-то другое, менее фантастическое. Может, еще хотят спросить про падение с третьего этажа? Ведь намекал инспектор про то, что выглядит моя история, мягко говоря, глупо. А если трезво оценить, то вполне мои действия похожи на неудавшуюся попытку кражи.

Ага, значит, нужно быть готовым к беседе на эту тему.

– Андрей, тут к тебе пришли, – вновь позвала мать.

Вытерев руки о полотенце, я вышел в коридор. Там меня ждал человек в форме.

– Здравствуйте, – поздоровался я, стараясь держаться как можно уверенней, не выдавая волнения.

– Андрей Герасимов? – спросил мужчина.

Я кивнул.

– А я по поводу сегодняшнего инцидента, – произнес гость, начиная листать бумаги в руках.

– Какого инцидента? – опередила меня мать с вопросом.

– Так пусть сам и расскажет, – усмехнулся милиционер.

Мать перевела взгляд на меня, а я лишь мог моргать, абсолютно сбитый с толку.

– Безобразничает ваш сын, – за меня ответил гость. – Ведет себя плохо. Вот, с одноклассником подрался.

Он вытащил бумагу, прочитал:

– С Романом Костаревым.

– Он мне не одноклассник!

– Ну какая разница? – пожал плечами милиционер. – Подрался ведь?

Я не нашелся что ответить.

– Андрей? – в голосе матери уже не было тревоги, начала позвякивать ярость. – Это что еще за новости?

– Да он первый начал…

– Первый начал, – передразнив, перебил меня милиционер. – Так всегда все говорят. А звоночек поступил. Вот пришел к вам разбираться.

Теперь стало понятно, кто такой этот Костарев. Действительно, зловонная куча, которую лучше бы мне обойти стороной. А теперь столько вони.

Мать заохала – сын преступник. Пришлось долго и обстоятельно объяснять обоим, что в этой потасовке виноват не я. Помог жизненный опыт и долгие вечерние просмотры шоу «Час суда». Я рассказал всю правду, но преподнес это в выгодном для себя свете. Милиционер, слушавший меня, кивнул и лишь многозначительно протянул:

– Однако.

– Так что это была вынужденная самозащита. В противном случае меня бы этот Костарев со своими дружками покалечил бы.

– М-да, парень, – почесал затылок милиционер. – Ты давай, аккуратней. Я объяснительную, конечно, с твоих слов

напишу, но ты должен понимать – у Костарева отец партийный работник… В общем, не лезь ты к нему. Вместо того, чтобы ограничиться беседой с учителем и директором, он уже моему начальнику позвонил, нужные слова сказал. Мне велено было со всей тщательностью разобраться. Я уже разобрался, общий смысл вашего конфликта понял. Но имей в виду, вопрос еще не закрыт. Понял?

Я кивнул. Отчего же понять? Понятно.

Мать вновь заохала. Пришлось ее успокаивать.

– Вы поймите, он ведь без отца растет, – начала она, но милиционер перебил ее.

– Погиб отец? – хмуро спросил гость.

Мать вздохнула, махнула рукой.

– Можно и так сказать.

– Ладно, я предупредил.

И сурово глянув на меня, ушел.

– Ты что, совсем рехнулся?! – нахмурилась мать. – Чего творишь?

– Я же объяснил все…

– Это все твой клуб путешественников! До добра не доведет! Я сказала тебе, чтобы ты завязывал с этой ерундой.

– Не ерунда это! – произнес я, внезапно разозлившись.

Мне стало обидно, что единственное, что есть у меня сейчас, что дает мне опору, не давая сойти с ума в старом-новом мире, назвали ерундой. Это никакая не ерунда.

– Андрей, да ты пойми. Я же как лучше хочу.

Хотелось выругаться, но я сдержался. Понимал ее, я ведь и сам недавно был ее возраста. Она и в самом деле хочет как лучше. Только вот ничего не понимает.

– Все будет нормально, – пробурчал я. – Давай отдыхать, завтра рано вставать.

– Куда? – удивилась мать.

– На работу. Нам обоим. Я ведь теперь работаю.

***

Проснулся я первым. Заправил кровать, сделал зарядку. Как же хорошо чувствовать новое тело, молодое, гибкое! Эх, еще бы кофе выпить, но кофе не оказалось. Только чай «Грузинский». Заварить его удалось с трудом – не мог понять, сколько сыпать. Пары больших ложек, какие я привык, не хватило – чай получился бледным. Ладно, и так сойдет.

Пожарил яичницу. Достал из холодильника плавленый сырок «Дружба».

Вскоре встала мать, и мы вдвоем с аппетитом умяли все. Все время, пока ели, мать говорила про работу – к кому следует подойти, о чем сказать, как вести себя, не надсадиться и прочее. Я слушал молча, почти вполуха. О том, как устраиваться на работу, я знал и без нее, а потому наслаждался завтраком.

Потом, помыв посуду, принялся собираться.

Путь до гастронома «Салют» был непрост. Я понятия не

имел, где он находится. Но помогли прохожие. Я спросил у нескольких людей путь и вскоре вышел на Третью улицу, где и располагался нужный мне гастроном.

Магазин занимал все первые этажи пятиэтажки. Стеклянные витрины были до блеска отполированы, и сквозь них проглядывались прилавки. Особым разнообразием там и не пахло. Все скромно и серо. Но голых полок видно не было.

Я зашел внутрь.

– Мы еще закрыты, молодой человек, – сказала продавщица, что-то высчитывая на бумажке и отстукивая круглыми костяшками на огромных засаленных счетах.

– Я на работу устраиваться, – сказал я. И добавил: – Я от Софьи Михайловны.

Продавщица подняла на меня взгляд, улыбнулась. Сразу изменилась в лице, став добрее, приветливей.

– Так ты Андрей?

– Да.

– Проходи. Про тебя уже сказали. Давай, вон там подсобка есть, там Петрович. Он все объяснит.

Я двинул по темному коридору. Заглянул в одну дверь, вторую, третью. Но ничего, кроме коробок с луковой шелухой не увидел. И только в самом конце обнаружил небольшой темный закуток, где запах лука резко менялся на крепкий аромат солярки. Заглянул туда, увидел мужичка, худого, небритого, страдающего с похмелья.

Тяжело вздыхая, он пил из стеклянной бутылки кефир.

– Здравствуйте! – бодро сказал я, заходя внутрь.

– Ты кто такой? – спросил мужичок, осмотрев меня мутным взглядом.

Я тоже хотел адресовать ему этот вопрос, но сдержался. Терпеливо представился:

– Я Андрей. На работу пришел.

– На работу? – нахмурился тот. – На какую еще работу ты пришел, ек-макарек?

– Разнорабочим.

– А как же я? – окончательно растерялся мужичок.

Такой ответ он явно не ожидал услышать.

– Про вас не знаю, – ответил я.

– А кто знает, ек-макарек?

– Наверное, Софья Михайловна.

Я не знал, сколько еще мог продолжаться этот странный наш диалог, если бы не грузная женщина, вошедшая в подсобку.

– Петрович, ты чего человека с работой не знакомишь? Тебе помощника взяли, на полставки.

– Помощника? Вот это другое дело! А я уж, грешным делом, подумал, что меня увольнять собираются, ек-макарек!

– Будешь продолжать с этим делом дружить, – тетка щелкнула себя по горлу, – точно уволим.

– Не имеете права! Что я, растратчик какой-то, что ли? Тут есть кого уволить и без меня. ОБХСС сюда пригласить – пусть проверят кто тут и что, вот их и уволить.

– Петрович, ты давай тут сиди да помалкивай, – понизив голос, произнесла тетка. – А то точно полетишь как пробка из твоего портвейна, что ты каждый день хлебаешь! Твое дело маленькое – ящики таскать. ОБХСС он тут вспомнил. Вот ведь дурак!

Петрович поджал губы, потупил взор.

– Вот и хорошо, – кивнула тетка. – Принимай давай человека. И чтобы как положено, объяснил все, чтобы я потом не бегала, не искала вас с ключами, как в прошлый раз. Ну все, Андрюш, располагайся.

И втолкнула меня в каморку.

– Ну, здравствуй, ек-макарек, – произнес мужичок. – Я Петрович.

– Андрей, – вновь представился я.

– Ну и добро, Андрюша. Будем работать. Ты уж не серчай на старика. Я-то думал, ты уж мне на замену – эта мегера давно грозилась. А ты в помощь. Уже хорошо. В десять товар привезут, разгрузим в четыре руки. А там видно будет.

– Я на полставки, – пояснил я. – Мне после обеда в школу нужно.

– Дык ты школьник? Ну ек-макарек! А крепкий какой, не похож на школьника. Спортсмен, что ли? Вон, руки какие, что канатами перетянутые.

– Нет, любитель. В кружок хожу.

– И какой же?

– Альпинизм.

При этом слове Петрович едва заметно вздрогнул. Глаза блеснули, в них что-то проскочило, какая-то то ли тоска, то ли боль. Странная реакция удивила меня.

– Восхождение на вершины, – добавил я, просто чтобы заполнить образовавшуюся неловкую паузу, причин которой я так и не понял.

– Спорт – это хорошо, – ответил Петрович, покачав головой, глядя куда-то сквозь меня.

И не успел я осмелиться и спросить его, в чем причина такой задумчивости, как он спохватился:

– Ну, хватит рассиживаться. Давай, надевай халат. Скоро уже грузовик будет. Сегодня кефир, тяжелый, зараза. Придется попотеть.

Попотеть и в самом деле пришлось. Крытый «газик» был доверху забит стальными сетчатыми коробками с бутылками кефира, по двадцать бутылок в каждой таре.

Первые три ящика показались мне легкими. Но потом руки от непривычного груза стали болеть. И с каждым новым ящиком звон стекла становился все громче – от подрагивания конечностей.

Я терпел, таскал молча, хоть и пыхтел от натуги. А Петровичу, казалось, все было нипочем. Он брал сразу по три коробки и ловко лавировал по узкому коридору склада, успевая еще отвесить остроту или штуку в сторону кладовщицы. Я, сгораемый от стыда, что проигрываю в силе такому сопернику, пыхтел еще сильней и пыжился, едва поспевая за Пет-

ровичем. Но все было без толку.

К одиннадцати «газик» был разгружен, товар заботливо пересчитан завскладом, а мы, усталые, вернулись в подсобку.

– И как? – внезапно спросил Петрович, закуривая вонючую сигарету – «Беломорканал».

– Что как?

Я подумал, что он имеет в виду первый рабочий день и хотел уже было отмахнуться – мол, терпимо. Но Петровича волновало совсем не это.

– В горы уже ходил с секцией своей? – прищурившись от густого, сизого дыма, произнес Петрович.

– Нет, еще не ходил, – ответил я.

Петрович покачал головой, задумался о чем-то своем. И вновь этот взгляд, туманный, отсутствующий, грустный.

– В горах сейчас хорошо, – сказал он, затянувшись сигаретой. И вмиг изменившись, вновь став самим собой, улыбнулся: – Что, устал?

– Нет.

– Да ладно врать-то, ек-макарек! – рассмеялся Петрович. – Вон, руки дрожат. Не переживай, это не всегда такие машины будут. Сегодня просто «удачно» ты попал. Теперь только к понедельнику завоз крупный будет, остальное по мелочи.

Петрович пожевал сигарету, глянул на часы, спохватился.

– Ек-макарек! Тебе пора уже! В школу опоздаешь! Давай, поторопись! В школу нельзя опаздывать и пропускать – а то

таким же, как я, станешь, никудышным!

Я хотел сказать ему, что у меня есть в запасе еще пара часов, но старик практически вытолкал меня в коридор и, скоро попрощавшись, захлопнул дверь. В каморке тут же звякнула бутылка, и Петрович характерно выдохнул. Я не стал отвлекать его от поглощения портвейна и побрел домой. Хотелось успеть принять душ и переодеться.

***

Уроки показались мне блаженством – сидишь, слушаешь щебетание учительницы, тяжелые ящики таскать не надо. Иногда, вспоминая прошлую жизнь и пройденные материалы, уверенно отвечаешь, невольно привлекая к себе удивленные и восторженные взгляды одноклассниц.

А вот после уроков вновь начали сгущаться тучи.

Я вышел в коридор, собирался уже было идти домой, как кто-то свистнул, привлекая мое внимание.

– Ну что, снова встретились? – ухмыльнулся Костарев, выруливая из-за угла.

Я тихо выругался.

Рядом с ним стояли еще пять крепких парней, старше его. По жилистым рукам с бицепсами я понял, что со спутниками Костарева справиться будет гораздо сложней. А если быть предельно честным с самим собой, то преимущество явно на их стороне. Не одолеть мне их. Хоть тресни.

– Хочешь вновь поговорить? – спросил я, стараясь придать голосу как можно больше холода. – Не хватило в прошлый раз?

– В прошлый раз не совсем хорошо получилось с твоей стороны, – ответил Костарев. – Я ведь хотел с тобой парой слов обменяться, по-доброму, по-хорошему, а ты с кулаками сразу. Я не был к такому готов.

От возмущения у меня отвисла челюсть. Что несет этот придурок?!

– А сейчас ты готов, значит? – с трудом взяв себя в руки, произнес я, кивая на его спутников.

Костарев злобно оскалился. Ладони его сжались в кулаки. Спутники тоже приготовились метелить меня прямо в школьном коридоре. Воздух стал наэлектризован. Суждено быть побитым – так тому и быть. Но просто так я не дамся. Вот этого мордатого точно с собой в нокаут утащу. И Костарева, разумеется.

Чем бы закончилась эта потасовка, я не знал, но догадывался, что ничем хорошим для меня. Однако в дело вмешался случай. Из кабинета биологии вдруг вышел директор школы. Глянув на нас, сурово спросил:

– А вы что тут ошиваетесь? Звонок на урок уже был. А ну, живо по классам.

Спутники Костарева непонимающе глянули на него.

– Ну, чего стоите? Живо! – с нажимом произнес директор.

– Пошли, – выдохнул Костарев, понимая, что с директо-

ром шутки плохи. Потом глянул на меня, сказал: – В выходные продолжим наш разговор.

И ушел.

Я облегченно выдохнул и, провожаемый суровым взглядом директора, поспешил на урок.

После звонка я был сам не свой. Неприятности с Костаревым напрягали меня. Хотелось получать удовольствие от новой жизни и не знать забот, а не разгребать проблемы, которые накапливались, словно снежный ком. Впрочем, повторись тот момент с Костаревым, сделал бы я все так же. Навалял бы ему еще раз. Заслуживает.

Гад обещал проблемы в выходные, а они не за горами. Сегодня пятница. Завтра суббота. Хоть из дома не выходи. Но я не привык так. Не трус и никогда им не был. Хочет поговорить со мной – без проблем. Отхватить от его дружков не боюсь. Получу прекрасный опыт спарринга сразу с несколькими противниками. Парочку бойцов в нокаут я отправить успею. И пусть будет уверен Костарев, что среди этих двоих он точно окажется.

– Ну что, готов? – спросил меня Костя, догоняя на улице возле школы.

– К чему? – не понял я.

Парень сплюнул.

– Опять у тебя провалы в памяти? Совсем ничего не помнишь?

Меня это стало раздражать. Я отмахнулся от парня, пошел

дальше. Но Костя быстро догнал меня, сказал:

– Ну ты чего? Дубинин же на этих входных собирался вывести группу в Каменку на два дня. Мы своей группой идем – я, Марина, Володька, Артем. Еще двое из старших идут, Генка и Клим. И вроде ты собирался. Ну еще до твоего падения. Заранее же все планировали.

– На этих выходных? – переспросил я, вспоминая слова, брошенные Костаревым.

– Ну да, – кивнул Костя. – Подальше от города, от людских глаз. Только мы, природа, лес и горы. Каменка – слабенькая гора, ее легко можно сделать. Даже для тренировки новичков. Но природа там – закачаешься! Из-за этого все и идем.

– Подальше от города? – повторил я, улыбнувшись. – А что, идея мне нравится! Пошли!

– Вот и отлично! Пошли тогда в секцию. Там подготовить инвентарь нужно. Ну и оформиться, как положено. Дубинин в этом плане строг.

Такой исход этого вопроса меня вполне устраивал. Это не бегство и не трусость. Но, как говорят великие мастера единоборств: единственное верное решение победить в поединке – это избежать его.

К тому же была еще одни причина, которая волновала меня сейчас не менее прочего. Марина. Она тоже должна была идти в поход. Я даже немного взволновался. Девушка она видная, красивая. Два дня в ее компании – это же просто рай! О таком только мечтать можно. Да, большая компа-

ния ожидается, но это не помеха для общения. К тому же остальные ребята, про кого сказал Костя, тоже все нормальные, юморные, с кем будет весело и интересно. С ними я уже успел познакомиться на своей первой тренировке.

За разговорами и обсуждениями предстоящего похода мы с Костей дошли до секции, где уже собрались все. Народ толпился возле рябины, самые высокие парни то и дело задевали вихрастыми головами птичью кормушку на проволочной петле, и та болталась, тревожно позвякивая.

– А почему не заходите? – спросил Костя, оглядывая всех.

Толпа загудела, каждый стал говорить что-то свое, наперебой, в разноголосье. Не сразу я услышал главное.

– Ну что вы разгалделись?! По одному, – попросил Костя. – Что случилось-то?

– Дубинин заболел, – ответил Генка из старшей группы.

– Как это заболел? – растерялся Костя.

– Да кто же его знает? – пожал тот плечами. – Говорит, температура сильная. Я звонил ему сейчас с проходной. Сказал, что сегодня тренировки отменяются.

– А завтра? – одними губами прошептал огорченный Костя.

– Поход тоже отменяется, – ответил парень.

И я понял, что призрачная надежда – не пересечься с костаревскими костоправами – растаяла так же, как и появилась.

Глава 7. Электричка

– Ну как же так-то?! – сокрушался Костя, ударяя себя кулаком по ладони. – Ведь все уже спланировали, и маршрут, и амуницию собрали.

И в самом деле было обидно. Не из-за того, что придется столкнуться с Костаревым и его дуболомами в выходные. Нет. Мне хотелось сходить в поход, хотелось на гору, хотелось ощутить высоту, вдохнуть воздух победы. А тут так все обламывается…

– А присутствие Дубинина обязательно? – спросил я.

Когда человек чего-то хочет, но что-то ему мешает, он не ищет оправдания бросить эту затею, он изыскивает пути выхода из ситуации. Вот и я искал.

– Дубинин должен с нами быть? – повторил я.

Вопрос оказался неожиданным, потому что все сразу затихли, задумались.

Первые мои мысли были категоричными – конечно же, должен, он же руководитель группы, как мы пойдем без него, мы ничего не знаем, пропадем. Я глянул на остальных и мне даже показалось на мгновение, что они думают точно так же.

– Ребята, я ни к чему не призываю, мне просто интересно, – начал оправдываться я, поняв, что запустил мыслительный процесс у всех.

Но было поздно.

– А ведь прав Андрюха, – кивнул Костя. – Дубинин как руководитель группы идет, на него маршрутный лист оформляется. Но ведь может быть кто-то другой за него. Замена. Например… Володя!

Костя глянул на курчавого парня из старшей группы. Тот подумал минуту, кивнул:

– А что, я не против.

– Ребята, а мы тут самодеятельностью сейчас с вами не занимаемся? – спросил Артем. – Дубинин вряд ли будет рад такой нашей инициативе. Да и опасно это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.